

НАДЕЖДА МАМАЕВА

ПОПАСТЬ В ОТБОР,
УКРАСТЬ ПРОКЛЯТЬЕ

Мир Граней

Надежда Мамаева
**Попасть в отбор,
украсть проклятье**

«Надежда Мамаева»

2020

Мамаева Н. Н.

Попасть в отбор, украсть проклятье / Н. Н. Мамаева — «Надежда Мамаева», 2020 — (Мир Граней)

«Сколько себя помню, я никогда не бросала дело на полпути. И если позорилась – то до самого конца. Вот как сегодня на ночном практикуме на погосте, когда не сдала зачет по воскрешению. А помешала этому сушая мелочь: у меня украли тело. И ладно бы труп! Хотя и приличный труп для коллоквиума откопать порою тяжелее, чем нормального парня, дабы пойти с последним на осенний бал. Это я как почти дипломированный некромант и девушка в одном лице говорю...»

© Мамаева Н. Н., 2020

© Надежда Мамаева, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Надежда Мамаева

Попасть в отбор, украсть проклятье

Глава 1

Сколько себя помню, я никогда не бросала дело на полпути. И если позорилась – то до самого конца. Вот как сегодня на ночном практикуме на погосте, когда не сдала зачет по воскрешению. А помешала этому сущая мелочь: у меня украли тело. И ладно бы труп! Хотя и приличный труп для коллоквиума откопать порою тяжелее, чем нормального парня, дабы пойти с последним на осенний бал. Это я как почти дипломированный некромант и девушка в одном лице говорю.

Так нет же – у меня украли мое собственное тело! Сначала передо мной возникла чья-то перекошенная испугом рожа, а потом в меня и вовсе засветили атакующим арканом. Я даже толком защиту выставить не успела. А когда очнулась – обнаружила себя духом. Бесплотным и, самое обидное, безмолвным.

Я зависла над погостом, наблюдая, как преподаватель с адептами шустро удирают от озверевшей нежити. Озверевшей – в прямом смысле: несколько умертвий, при жизни бывшие, видимо, перевертышами и похороненные как приличные благочестивые горожане, выбравшись из могил, повели себя как свиньи, хоть оказались и в волчьей шкуре. Мало того, что они обернулись, – так теперь еще и щерили клыки на тех, кто их вернул из посмертия. И не просто лязгали оными, а так и норовили попробовать недонекромантов на этот самый клык.

Адепты проходить пробы на почетное звание ужина не желали и выражали свой протест заклинаниями, серебряными болтами и руганью. Руганью – особенно. Магистр Гыргырницкий юных магов не одергивал. Может, потому что ему было слегка некогда: он лихорадочно искал склеп побольше с дверью попрочнее.

– Сюда! – крикнул преподаватель, указывая на убежище. В дверь которого он тут же засветил заклинанием.

Вспышка была короткой, но запор щелкнул, и дверь начала отворяться.

В нее вешним потоком и хлынули адепты. Гыргырницкий прикрывал отход группы. А когда последний недонекромант ласточкой залетел в склеп, магистр шагнул за ним и захлопнул дверь. Вовремя так захлопнул. Ибо в дубовые доски тут же впились зубы.

Я же, не скованная ни законами физическими, ни этикетом, по которому перед тем, как зайти в кабинет, надлежало постучать, просочилась в склеп прямо через дюжину умертвий-перевертышей. И застала умильную картину: озаренный зеленоватым светом нескольких пульсаров уже немолодой эйр Гыргырницкий, потрясая седой бородой, как заботливая насадка, согнал своих адептов в кружок. Увы, обнять и обогреть магистр их не спешил. Для начала пересчитывал. По головам.

– Одного не хватает. Кого нет? – обеспокоенно спросил он.

Одноругники стали переглядываться, и патлатый Клаус, закинув арбалет на плечо, выкрикнул:

– Я Тай не вижу.

Сокурсники поддержали:

– Да, Росс нет...

– Я ее в последний раз у обелиска цвергам видел...

Я была возмущена: как это меня нет! Я тут. Пусть и привиденистая. Но не мертвая же! Или все-таки немножко мертвая? Впрочем, разберусь со своим статусом: живая я, слегка усоп-

шая или в моих отношениях с собственным телом все сложно – потом. Сейчас главное – его вообще найти, пока умертвия не сожрали.

Попыталась пнуть камешек. Но, увы, я была еще совсем молодым духом, которому пара минут от роду, и воздействовать на материальную сферу в новой своей форме не научилась. Зато... Я прошла тело магистра, как спущенный арбалетный болт – кленовый лист. Не возьмусь утверждать, что это были приятные ощущения. Скажем так: сей эпизод я предпочла бы забыть. Зато Гыргырницкий не только все прочувствовал, но и понял. С его пальцев сорвались искры, которые пчелами устремились ко мне. Ужалили. Пребольно. Последнее было вдвойне обидно, учитывая расхожую поговорку некромантов: если болит – значит, живой. Сейчас же я была привидением и, тем не менее, потирала обожженный локоть.

Впрочем, боль компенсировалась тем, что меня теперь видели и слышали.

– Адептка Росс, где ваше тело? – за холодным невозмутимым голосом Гыргырницкого мне послышалась тщательно скрываемая тревога.

– На кладбище, – уверенно ответила я, а потом, усомнившись, добавила: – Во всяком случае я его там увидела в последний раз. И тогда оно еще было при мне.

– То есть, как вы умерли, вы не помните? – уточнил преподаватель.

Я замотала головой.

– Ладно, разберемся. А сейчас мне нужно знать, кто активировал амулет с заклинанием Ирихор для поднятия перевертышей? Причем запрещенное. Высшего порядка.

– А почему именно амулет? – раздался удивленный голос задиры Линка откуда-то с краю.

– Потому что оно минимум уровня колодец. А в вашей группе такого диаметра потока силы нет ни у кого: одни канаты и нити. Поэтому я требую отдать артефакт.

Но никто из адептов не спешил с криком: «Это я виноват! Вот возьмите!». Все молчали. А за дверью умертвия в волчьей ипостаси жаждали аудиенции.

– Уволюсь, к демонам, – в сердцах в сторону выдохнул Гыргырницкий. – Вот семестр доработаю – и напишу заявление. Лучше тихо-мирно с армией зомби бороться где-нибудь на границе с Горняком, чем проводить занятия у адептов.

А затем, достав переговорный кристалл, вызвал по нему подмогу. Закончив разговор, преподаватель помотал седой головой и, уже обращаясь к юным магам, произнес:

– Не хотите отдавать амулет сейчас – что же. Ваше право. Но, когда я выясню, кто это сделал, он будет исключен из магистерии. И я лично позабочусь об отнятии дара. Пока же сидите здесь и не высывайтесь.

– А вы? – спросил Клаус, загребая пятерней свои вздыбленные волосы к затылку.

– А мы с Тайрин пойдем искать ее тело, пока его не сожрали восставшие умертвия.

– Тогда можно и мне с вами? – запальчиво произнес он.

– Похвальное рвение, юноша, но нет. Когда вокруг столько нежити, я предпочитаю думать о том, как не умереть самому, а не о том, чтобы прикрыть спину ротозея. Так что сидите и не высывайтесь! Но обещаю, что постараюсь спасти девушку, которая вам, судя по всему, не безразлична... – последней фразой старый преподаватель постарался смягчить суровые слова, сказанные ранее.

– Конечно, не безразлична. Я ему семь форинтов должна! – вмешалась, пока мне не приписали, чего доброго, Клауса в воздыхатели или, того хуже, – в женихи.

– Восемь, – машинально напомнил Клаус.

По разочарованному в юных некромантах взгляду преподавателя я заподозрила, что заявление об увольнении ляжет на ректорский стол еще до окончания семестра.

Меж тем Гыргырницкий дернул на себя ручку двери. Петли заскрипели, а магистр дал приветственный залп серией пульсаров, обеспечив себе возможность выйти. Погост встретил его запахом паленой шерсти и остервенелым рыком.

Впрочем, порою открытая дверь даже святого может ввести в искушение, что уж говорить про нежить. Особенно когда на пороге стоит такой аппетитный некромант. Магистр же, шагнув в кладбищенскую ночь, тут же приступил к срыву продовольственной программы умертвий. Мало того, что он, несмотря на свой возраст, лихо перемахнул через ограду и резвым зайцем поскакал меж могил, тем самым наглядно продемонстрировав: его мясо явно жесткое, жилистое и труднодогоняемое, – так еще и заклинаниями стал швыряться, методично уничтожая ряды претендентов на дегустацию своего филея. Я же летала над могилами, ища свое бесхозное тело или хотя бы то, что от него осталось.

Подмога пришла, когда Гыргырницкий закладывал очередной круг вокруг мемориала. К слову, случилось это быстро. Подозрительно быстро. Хотя главное кладбище стольной Эйлы и не то чтобы далеко от магистерии, но все же десять минут – это рекорд. А уж когда вместо подмоги в лице преподавателя боевиков и эйра Менханафа я узрела четверых человек в форме карателей, один из которых держал на руках мое тело, мое удивление возросло во сто крат.

У зомби, впрочем, тоже, изумления было – дирижабль и маленький воздушный шар в придачу. Особенно когда их, точно дворовых шавок, черномундирные отловили арканами. Под скулящие звуки и тихую ругань спасательного отряда над кладбищем зажглось несколько магических светляков. Картина впечатляла. Осенняя листва клена казалась причудливым, прореженным молью ажурным кружевом. Под ней стояли несколько покосившихся надгробий. Рядом подвывала шобла умертвий, спеленатых сковывающими чарами. И посреди этого готичного пейзажа – эйр Гыргырницкий с обглоданной бедренной костью наперевес, которую он держал на манер дубинки. Ну да: заклинания заклинаниями, но удар зомби по морде лишним не будет. Особенно если колдануть уже не успеваешь.

– Вы нашли мою адептку! – радостно вскрикнул Гыргырницкий, отбрасывая свое оружие массового поражения. В том плане, что массы, глядя на оное, стояли, смотрели и поражались. К слову, магистр орудовал своим импровизированным дрыном так лихо, что одному перевертышу сломал челюсть, а остальным – психику. Сейчас же, откинув кость в кусты, будто и не держал ее вовсе, а всем, кто увидел ее в руках преподавателя – почудилось, Гыргырницкий шустро засеменил к офицеру, державшему на руках мое тело.

Правда, при этом магистр тут же согнулся, положив руку на поясницу, словно в ту резку, как ревизоры в кабинет счетоводов, вступил прострел. И этот маг пару мгновений назад лихо рассекал по погосту с задранной до пояса мантией, деморализуя зомби видом своих подштанников? Сейчас вся его фигура – нет, не сторбилась, а всего лишь напоминала форму вопрошительного знака, словно олицетворяя его искреннее удивление произошедшим, да и в целом сутью мироздания. В общем, Гыргырницкий играл немощь и старческую дряхлость талантливо. С чувством. Мда, не видела бы я его галопа, точно бы решила, что передо мной божий одуванчик. А так... Сдается мне, что наш преподаватель вовсе не так немощен, как хочет порою казаться наивным студиозусам.

Меж тем маг, охая и причитая, доковылял до моего телоносца и споро ухватил меня за руку, готовясь, как мешок картошки, перекинуть себе через плечо.

Каратель, еще совсем молодой офицер, в первый миг растерялся от такого произвола. Видимо, нежить, погони и убийства были ему по долгу службы привычнее, чем престарелые благообразные маги, ворующие под двумя ясными лунами прямо у него с рук трупы.

– Простите, но убитую мы вам не отдадим, – он опомнился и потянул мое тело к себе.

– Почему? Она моя ученица, я ее на занятие увел, мне ее в академию и вернуть нужно, – искренне удивился магистр.

– Увы, не получится, – излишне сурово возразил каратель. – Потому что в ней уже нет главного – жизни.

– Жизнь – это не главное. Главное – это прилагательное, – истинно в духе некромантов ответил Гыргырницкий и, дернув-таки на себя с юношеским проворством мое тело, бодро вскинул его себе на закорки.

Рядом с карателем раздалась смешки сослуживцев. Я развернулась в воздухе, хотя по ощущениям – в вязком киселе, и, наконец, смогла как следует разглядеть еще двоих «спасителей». Один, уже в годах, – с посеребренной шевелюрой. Его правую щеку пересекали два шрама крест-накрест, отчего лицо казалось перекошенным. Второй – вовсе лысый, точно коленка, зато внушительный...

А вот последний остался в тени. Он был определенно высок, хотя не так, как лысый или меченый, но опасен. Как по мне – так именно его из них четверых стоило остерегаться более всего. Каратель шагнул в круг света: коротко стриженные волосы цвета глубокой южной ночи, которые на висках расчертили две полоски седины, высокие скулы, хищный нос, волевой подбородок. Но главное – взгляд. Он был цепкий, жесткий, смотрящий прямо на меня. Глаза. Раньше я о таком слышала, но встретила впервые. Один глаз был синим, второй – зеленым. Но оба – одинаково злыми. И этот разномастный взгляд сейчас словно пригвоздил меня к месту.

– Что вы видели перед смертью? – брюнет, сейчас больше всего мне напоминавший вешего ворона, задал свой вопрос без обиняков, отринув все формальности не только в виде приветствия, но и элементарного «не кидайся заклинаниями подчинения в условно мирных призраков», потому как свои слова этот тип подкрепил пассом.

Вот только я распознала его движение за миг до того, как сила сорвалась с кончиков пальцев карателя. Нырнула рыбкой вперед. Жаль только, когда уходила от обстрела, не подумала, что на моем пути окажется именно этот невоспитанный ворон. Ну да, о диспозиции мне размышлять было слегка недосуг: я спасала свою посмертную свободу.

А если учесть, что и другие каратели не дремали, а, словно получив приказ, вскинулись и стали целиться в маленькое беззащитное привидение Тай, норovia поймать меня арканом... В общем, я подумала, что хоть ворон-брюнет – та еще сволочь, ни демона не смыслящая в этикетке при знакомстве с благовоспитанными эйрами, но укрыться в нем все же лучше, чем маячить полупрозрачной мишенью над погостом.

Я пошла на таран, готовясь простить тело брюнета, но тут случилось непредвиденное: черномундирный оказался каким-то неправильным. Непробиваемым, в смысле – непролетаемым. И я со всего маху боднула его, отчего он пошатнулся.

Но девицы из семейства Росс – настойчивые. Очень. А уже когда нас стимулируют летящим в голову заклинанием...

Я ринулась на повторный штурм тела, искренне надеясь, что в своего-то каратели стрелять не будут. И со второй попытки атака увенчалась успехом. Правда, мне достался явно бракованный маг: на этот раз я так сильно приложила, что не только вошла, но и наполовину прошла сквозь тело, став наглядной иллюстрацией поговорки: дескать, в этой жизни все происходит, но иногда может и подзастрять.

– Не стрелять! – над кладбищем разнесся бас. Судя по всему, лысого. А может – и меченого. Но точно не рыжика и не того, в ком я застряла.

Вывернула шею. В моем привиденистом обличье это оказалось легко. Даже очень. Я поняла, что вообще-то без труда могу подрабатывать совой. Да что там совой! Теперь я знала, что мне не стоит бояться угрозы братцев открутить мне голову. Вот совсем. Они ее могут вертеть, как заготовку на гончарном круге с тем же эффектом: только вспотеют и распахнутся.

Впрочем, новые возможности моего эфемерного состояния позволили мне не только усмехнуться при воспоминании о братьях, но и узреть то, что происходило на погосте.

После приказа (кричал, к слову, лысый) рыжий и меченый погасили пульсары. В наступившей тишине, нарушаемой лишь шуршанием магистра, который волок мое тело к склепу, я попыталась дернуться. Раз, другой – и поняла: влипла. Причем во всех смыслах этого слова: я наполовину застряла в теле этого мага. Подозреваю, что сейчас мы напоминали сросшихся спинами близнецов. Вот только в данном случае имелась маленькая неприятность: один из нас был слегка мертв. «Ну да ладно, – мысленно утешила себя: – Зато хуже быть уже не может...» Только подумала – и судьба с радостью подсказала: может. И очень даже! Потому как рыжий парнишка произнес потрясенно:

– Ваше Высочество...

М-да... что же, если до этого момента я считала, что все плохо, то сейчас поняла, как прекрасно было до того момента, когда появились эти каратели. Мирное кладбище с восставшими

перевертышами, от которых удирал магистр Гыргырницкий, мой труп... в общем – идиллия. По сравнению с покушением на монаршую особу – так, сущие мелочи. Ведь попытка вселения в тело того, в ком течет первородная кровь, – это как раз оно самое и есть.

– Так что вы видели перед смертью? – невозмутимо, словно я не сидела у него в печенках (причем в прямом смысле), повторил свой вопрос каратель.

– Пугалась, – ответила я как можно ровнее, хотя голос все равно предательски дрогнул.

– Умертвий? – уточнил свол... пардон, Его Высочество.

– Ну, сначала неуда за зачет, – честно ответила я, – потом типа с перекошенным лицом. Кстати, судя по всему, он меня и угробил.

Ощущения были странными. И не только потому, что разговариваешь затылок к затылку, но и в целом. Я чувствовала боль в ноге, разливающуюся в крови силу. И она была другой, не той, к которой я привыкла.

В свои тринадцать я шагнула в мир Граней, чтобы найти свой источник. Такое случается с каждым магом: мы рождаемся с пустотой внутри и чем старше становимся – тем сильнее ширится эта пустота. Она уничтожает нас изнутри. И единственный способ спастись – шагнуть в мир Граней, чтобы найти там свой источник.

Раньше, чтобы обрести дар, будущие чародеи проваливались в природные порталы, которые, как родники, были разбросаны по всему миру: где-то их было больше, где-то меньше. Эти окна в особый мир, недоступный простым людям, несли в себе как возможность обрести магию, так и гибель. Последнее случалось гораздо чаще. Но пустота, что была внутри каждого, способного принять дар, манила, как магнитом, тянула с невыносимой силой.

Со временем чародеи смогли взять под контроль стихийные «провалы». Ныне каждый, в ком была пустота, обязан был пройти через стационарные столичные арки или передвижные, которые маги раз в год привозили в провинциальные городки и деревни.

Я помню как в тринадцать лет сама подошла к такой. Меня то что влекло к ней – тащило, будто на аркане. И я не могла даже помыслить о сопротивлении. Хотя и понимала: могу и не вернуться из мира, где реальность может приобретать самые причудливые формы.

Тогда я стояла перед зеркальным маревом, которое колыхалось, словно река, неспешно несущая свои свинцовые осенние воды. А потом шагнула за Грань, чтобы встретить свои худшие кошмары и найти дар. Нога не нащупала опоры по ту сторону зеркала. Я сразу провалилась.

Я захлебывалась в холодной воде, которая была повсюду. Вокруг плавали льдины вперемешку с окоченевшими телами в спасательных жилетах. А мрак ночи был не теплее, чем вода, которая с каждым мигмом все сильнее сковывала руки и ноги, манила на дно.

Я казалась себе застывшим зомби, который не может сделать вдох, хотя его голова пока еще находится над водой. Волосы покрылись инеем, все тело жгло холодом. Я понимала, что долго тут не продержусь. Несколько минут от силы, а потом камнем уйду на дно, если не найду дар. Не важно какой. Но из мира граней либо выходят с ним, либо не возвращаются вовсе.

Говорят, что кто-то, шагнув через портал, попадал на городскую улочку, кто-то в лес или на рыночную площадь, в горы или пустыню. А мне вот свезло так свезло.

Я барахталась из последних сил, пытаюсь забраться на какую-то доску, которая плавала в воде, и почувствовала, что не могу сделать очередной вдох. Пальцы, которые уже не гнулись, так и не разжались, просто эфемерная деревянная опора выскользнула из них, и я нырнула под воду. Вверх, к небу, в котором горели такие яркие и далекие звезды, из горла устремилась стайка пузырьков. Грудь будто сжал раскаленный обруч, и тут я увидела ее.

Сначала приняла парившую в водной толще кляксу за медузу. Ее серные шупальца словно пробовали солоноватую воду на вкус. Точно благородная дама в черных кринолинах из прошедших эпох, она величественно проплыла мимо меня, едва не мазнув по моему лицу

своим шлейфом. А я, невероятным усилием, по ощущениям – ломая собственные задеревеневшие мышцы, сумела выбросить руку и схватить ее.

Щупальца тут же обвили мое запястье, тело прошила дикая боль, а реальность изменилась. Я увидела окно портала прямо надо мной. Там, где еще несколько мгновений назад сквозь водную толщу можно было разглядеть звезды.

Каждый гребок давался мне тяжело. Но забрезжившая надежда на спасение придавала сил. Я буквально вывалилась из арки на площадь Эйлы, под ноги магу, встречавшему из мира Граней тех, кто обрел дар. Окатила его с головы до ног ледяной морской водой. Да и не только его.

У меня тогда зуб на зуб не попадал, волосы смерзлись в сосульки, а платье стояло колом. Зато внутри поселился дар. Сначала он ворочался, словно обживаясь, свивал и разворачивал свои черные щупальца во мне, бурлил. Но пустота, которая изматывала меня, сводила с ума и не давал покоя ни днем ни ночью, исчезла.

С того дня я ощущала себя по-новому. Темный дар стал частью меня, а я – частью его.

И вот сегодня, застряв в теле Его Высочества (кстати, интересно – которого: у императора только законных сыновей – шесть), я ощутила что-то новое. Моя тьма была спокойной, холодной, тяжелой. А то, что сейчас струилось по венам, врезаясь в мой дар, как волны в скалу, больше напоминало дикий огонь, который не залить водой, не потушить песком или алхимическими зельями.

Я даже зашипела. Мой сосед по телу, видимо, тоже ощутил нечто подобное, поскольку вместо еще одного вопроса предложил:

– Вы не могли бы покинуть меня? – прозвучало весьма вежливо и даже на светский манер. Если бы кто-то ненароком совершал променад в полночь мимо погоста (ну совершенно случайно!) и услышал подобное, мог бы подумать, что занятой начальник просит освободить его кабинет.

– Не могу. Я немножко застряла, – призналась я, а затем в подтверждение своих слов дернулась.

Мы с вороном были спина к спине. И мое стремление обрести свободу... Ну, в общем, оно отчасти даже увенчалось успехом. Если точнее – мигом, пока мы оба находились в свободном полете, когда каратель не устоял от резкого рывка назад. По итогам одного я угодила носом в лужу, а высочество – в планетарий.

Ведь еще мой отец, эйр Моррис, говаривал: где упали на спину – там тебе и планетарий. Наслаждайся картой звездного неба по самое «не хочу». Особенно в теплые ночи. В оные созерцание крайне полезно для вдохновения, просвещения и вообще просто восхитительно.

Вот мой сосед по телу и получал ныне эстетическое удовольствие от плейд. А я – целебную маску из глинистой жижи. М-да, так ударить лицом в грязь, чтобы при этом не то что посадить, а уложить принца в лужу, – это надо умудриться.

– Понял, что зря попросил, – произнес ворон. – Эйра, прошу прощения, не знаю имени...

– Тай, – побулькала из грязной жижи я. Не знаю, как ворон сумел различить, что именно было произнесено, даже для меня все звуки были на одну ноту, но он умудрился. Одним словом – каратель. У них, говорят, и слух, и нюх, и зрение, и сволочизм – всё на высоте.

– Так вот, эйра Тай, давайте вы пока больше не будете предпринимать попыток освободиться. И раз уж операцию вы нам всё равно начисто сорвали, то сначала ответите на все вопросы, пока случившееся не стерлось из вашей памяти. А уж потом разберемся, почему вам вообще удалось пробиться сквозь мою защиту и частично вселиться в мое тело.

Ворон к тому моменту, как договорил, уже поднялся из лужи и даже, совершив незаметный пасс, очистил мундир заклинанием. Я же, хоть и была вроде бы незапятнанной (увы, репутации это не касалось), рефлекторно встряхнулась на манер собаки, выбравшейся из реки.

– Итак, расскажите все, что вы видели, а Гранс будет записывать. И учтите: важна каждая деталь.

А мне, собственно, и рассказывать было нечего. Вообще-то, сегодня у нас по расписанию должно было быть занятие по общей физической подготовке. Но магистр Сайвер, который всегда был в хорошей спортивной форме (хоть та порою и не застегивалась на верхнюю пуговицу), на днях то ли сам заболел, то ли обрадовался, что заболела его теща, но решил в профилактических целях принять на грудь первача... В общем, произошла замена.

А магистр Гыргырницкий, выручивший коллегу, и решил, что просиживать штаны в покойницкой мы и зимой сможем, а пока такая чудная погожая ночь – грех этим не воспользоваться. К тому же если провести практикум до лекций, то адепты, живые и слегка поседевшие, будут слушать теорию предельно внимательно. Впрочем, и о нашей безопасности магистр позаботился: каждому студиязусу был выдан для защиты арбалет, а для добычи учебного материала – лопата. Набор ругательств выдавать было не нужно. У каждого из нас был свой. Личный.

Не знаю, как у других магов, а у некромантов заклятия упокоения без крепкого словца почему-то имеют меньший эффект. Ну, и при виде того же полуразложившегося умертвия орка, которое выше тебя в два раза, а шире в четыре, как-то порою сначала сама собой вырывается емкая и краткая характеристика ситуации, а уж потом – заклинание.

В общем, я тихо-мирно отрыла свой учебный материал на бесхозной могиле из тех, в которых хоронили бездомных, бродяг и преступников, смахнула пот со лба, выкинула из ямы лопату и вылезла из копани сама. Разогнула затекшую поясницу и только готовилась прочесть заклинание, чтобы поднять небольшой скелет, как услышала позади треск кустов.

Думала, что это у кого-то из одноклассников зомби сорвалось с аркана. Хотя я же специально выбрала участок подальше от остальных, чтобы мне не помешали.

– А пока вы копали, ничего подозрительного не было? Голосов, звуков? – по ходу моего рассказа уточнил ворон.

– Да вроде нет, – пожалала я плечами, покосившись на лысого здоровяка, которого ворон поименовал Грансом. Он был предельно сосредоточен и держал перед собой на вытянутой руке за шнурок записывающий кристалл.

Да уж, я как-то себе слегка иначе представляла допросы: комната, стол, стенографист, сидящий в углу, а главное – возможность свидетеля оставить подпись под собственными показаниями. А не вот это вот все, когда я изображала рукоять меча, торчащего из спины воина.

Хотя все правильно. Это же каратели: дело для них превыше всего. Про них даже шутка ходила: что для остальных имперцев «сделай или умри», то для карателя «умри, но сделай». Причем последнее было не метафорой: были случаи, когда эти маги, действительно уже будучи мертвыми, доводили до конца порученное им.

Меж тем в груди нарастало странное чувство. Будто бы пустота. Неужели из меня, как и из всякого мага после смерти, уходил дар? Это что же... Вот сейчас тьма, которая стала частью меня, покинет душу, улетит обратно в мир Граней. Спустя годы, а может и десятки, сотни лет, какой-нибудь юный одаренный найдет ее, заберет вместе с частицей моей души и станет некромантом. А я же окончательно отойду в небытие, умру, растворюсь, так и не попрощавшись с близкими. Последнее было особенно обидно: я не увижу больше Найришу, Морриса, братьев-близнецов, дядю, нашего рыжего кота и даже привидение Йоко не увижу...

Видимо, до этого момента я все же верила, что с моим телом не произошло ничего серьезного, что вот сейчас я отвечу на все вопросы карателей и меня вернут в него. Я откинула голову и взглянула на небо.

Сегодняшняя полночь пахла звездами. Они, безмолвные, величественные, безукоризненные, взирали на землю с недостижимой высоты. Далеким светом озаряли этот подлунный мир и будто шептали мне: ничто не вечно. Примиряли с мыслью о бренности, дарили покой.

– ...лицо этого человека? – в мысли ворвался голос ворона. Видимо, он не в первый раз задал вопрос.

– Что? – отрывать взгляда от звезд не хотелось.

– Вы запомнили лицо напавшего на вас? Его ауру? – Терпению ворона можно было позавидовать. А его твердокаменной настойчивостью и вовсе – убить.

– Да, запомнила... – рассеянно ответила я, все так же глядя ввысь. Мои глаза наполнились звездами.

Бескрайнее темное небо с россыпью огней успокаивало. Говорят, кто-то, глядя на него, хочет мечтать. А я сейчас – просто жить.

Но откуда-то пришло понимание: уже ничего не исправить. Как не остановить падающий с неба метеорит.

– Каким оно было? – голос ворона зазвенел, словно он что-то почувствовал.

– Лицо – обычным. Испуганным. А вот аура – она переливалась...

Договорить я не успела, на погосте появились новые гости: на этот раз те, кого ждали. Преподаватель боевого факультета и магистр Менханаф. Один с атакующим арканом наизготовку, второй – с какой-то светящейся склянкой в руке.

– Что происходит? – Менханаф, по обыкновению, говорил отрывисто. Преподаватель алхимии был скуп на слова почище, чем цверг – на чаевые.

– Допрос, не мешайте, – меченый каратель показал светящуюся бляху.

– Как хорошо, коллеги, что вы пришли! – раздался из-за надгробия надтреснутый старческий голос Гыргырницкого. – Мне нужно стабилизировать тело. Не могу понять, что с ним. Оно не повреждено, но...

В этот момент я почувствовала, как из груди утекает темный дар, а я сама – отделяюсь от тела, в которое вселилась.

Увидела, как карта неба свернулась в спираль, как звезды над моей головой превратились в белые размазанные нити и закрутились в воронке с бешеной скоростью. Последнее, что запомнила, – магистра Гыргырницкого, который, положив мое тело в пентаграмму, начерченную прямо между могил, читал заклинание удержания.

Умирать оказалось делом зело противным. Сначала я проваливалась в какую-то серую воронку. И нескончаемо неслась через самый ее центр, где вихрь драл меня во все стороны на ключья. Дар медленно покидал меня, душа пустела.

Почувствовала себя обманутым ребенком. Божьи дланники в своих храмовых проповедях обещали, что посмертие – это райские кущи, где праведники могут хорошо проводить время. Но то ли время в загробном мире такое бдительное, что его не проведешь, то ли мои грехи столь весомы... В общем, как-то с райскими кущами отношения у меня не сложились. А для тепленькой геенны, видимо, натворила недостаточно.

И вот я вращалась, как эликсиры сестренки Нари в ее центрифуге, пока меня не прошло огненным потоком. Вернее, то, что от меня осталось, насквозь.

И, едва пройдя сквозь прозрачную, истончившуюся меня, этот поток вдруг расщепился на дюжину языков. Они тут же загнулись крючьями и, подцепив остатки души, словно рыбину, дернули меня наверх. Кажется, прихватив довеском часть воронки.

Боль. Резкая, всепоглощающая, выворачивающая наизнанку, окатила меня с макушки до пят.

Я заорала, выгнувшись дугой, и почувствовала, как сильные руки удерживают меня. Много рук.

Новый вдох прокатился огнем по горлу, пылающим шаром упал в грудь. Я распахнула глаза и увидела, как надо мной склонились и магистр Гыргырницкий, и преподаватель боевой магии, и Менханаф, и рыжик, и меченый, и лысый Гранс, и ворон. Последний, в отличие от

остальных, не держал ладони на моем теле, вливая в него свою силу. Нет. В его руках была огненная плеть, которая выходила прямо из моей груди.

– Гранс, вытяни проклятие, я долго не удержу душу.

Я не понимала, о чем они. Но, кажется, здоровяк был посообразительней адепки-третьекурсницы. Лысый оторвал от тела одну руку, пошарил ею в кармане. Из выуженного оттуда пузырька он зубами вырвал пробку и поднес склянку к моим губам.

Из нее в мое горло в потек туман едкого зеленого цвета. И едва бутылек заполнился, каратель ловко заткнул его. Меня же перестало лихорадить. Резко, будто отрезало. Зато я ощутила другое: ладони, что удерживали меня. Они были теплыми. Очень. Но лица, что венчиком склонились надо мной, ни теплотой, ни радостью не светились. Наоборот, они показались мне жутко серьезными и угрюмыми. Даже у рыжего паренька, закусившего губу.

Но я же, наоборот, радостно улыбнулась. Живая, я живая!

– Нет, – сказал как отрубил высочество, будто прочтя мои мысли. – Вы мертвы.

– Что? – собственный голос показался мне вороньим карканьем. Таким же надсадным и противным.

– Увы, но ваше тело было сильно повреждено заклятием, – голос ворона был сухим и усталым. – Вы умерли ровно в тот миг, когда встретили ренегата. Но ваша душа сразу не отошла в мир иной, поэтому...

– Но ведь на мне не было никаких ран... – перебила я и тут же зашлась сухим кашлем.

– Говорить длинными фразами не советую, – пока я пыталась восстановить дыхание, прокомментировал высочество. – Сейчас у вас пульс не более одного удара в минуту, дыхание тоже практически отсутствует. Все это, с учетом прорвы магии, влитой в ваше мертвое тело, позволит ему какое-то время существовать.

Ну да, все правильно. В абсолютно мертвое тело душу вернуть невозможно. Смерть – словно рассекатель – отделяет плоть от духа. И, дабы последний вернулся, нужно, чтобы в трупе теплилась хотя бы частица жизни. Ну, или магии, имитирующей оную.

– Я не понимаю...

– Тайрин, Тай... – это уже магистр Гыргырницкий обратился ко мне. – Увы, я сразу не понял, что тебя прошили нити Изиды. Думал, просто сильное истощение. Решил, что смогу вернуть твою душу в тело. Ведь ран и вправду не было...

Старый преподаватель сожалел. Искренне и от всей души, как может сожалеть маг, повидавший на своем веку смертей едва ли не больше, чем жизней. А я же, никогда ранее не слышавшая о нитях Изиды, узнала об этом смертельном заклинании запрещенной магии. Обычно, если оно попадает в мага, то его душа сразу безвозвратно уходит в небытие, а моя вот задержалась, подарила обманчивую надежду.

– Полагаю, что ваша адепка, – ворон обратился уже к преподавателю, – столкнулась с вариацией нитей, рассчитанных на магию карателей. Потому ее душа и не распалась сразу. А вот когда она, оказавшись в моем теле...

Договаривать он не стал, и так было понятно: все сошлось. Смертельное заклинание, рассчитанное на специфическую магию карателей, нашло ее и утянуло мою душу.

– Так зачем вы меня вернули? – мне удалось задать вопрос почти нормальным голосом, хотя горло жутко болело.

– Потому что мы не закончили. Вы не сказали главного: какая аура была у того, кто убил вас?

Да уж. Серьезный повод, чтобы вернуться с того света. Я про себя фыркнула. А потом подумалось, что мне попался очень хозяйственный и ответственный каратель. Прямо как цверг, сводящий годовой баланс. Вот только если представитель подгорного народа и гнutoго форинта из сметы не упустит, то этот черномундирный – и слова из допроса. Вон, даже душу мою с того света вернул, лишь бы получить ответ на свой вопрос.

– А не легче, – я сделала паузу для вдоха, – было просто призвать мой дух?

– Без якоря – увы, от вашей души ничего бы не осталось. Заклинание Изида развеяло бы ее. Поэтому мы поместили ее сюда.

Он указал на меня.

Я машинально посмотрела на свою грудь, где ныне было кровавое пятно. Словно в форменную куртку ткнули спицей. Дюжиной спиц. Это позже я узнала, что так выглядит результат заклинания нитей Изида, которые пронзают тело, словно тончайшие стеклянные иглы. И сначала даже не распознать, что случилось. В один миг открывается внутреннее кровотечение и лишь потом, когда спасти уже нельзя, – наружное.

– Сколько у меня есть времени? – задала я самый насущный вопрос. Пояснения не потребовались. Все всё поняли.

– В вас влили все силы без остатка семеро далеко не слабых магов. Судить не берусь, но, думаю, несколько дней есть, – поджав губы, изрек разноглазый брютет.

Несколько дней... Уже мертвая, но еще живая. Совсем недавно я просила звезды дать мне возможность увидеть близких. Ирония: они услышали, но всё сделали по-своему.

– Больше спешить некуда. Проедете с нами в отделение. А вы, – ворон обратился к преподавателям, – вместе с капитаном Чодрой, – кивок на меченного шрамом, – вернете своих адептов в академию. После чего вас также отвезут для дачи показаний. Завтра с утра опросят всех, кто был сегодня на кладбище. Вопрос с умершей адепткой я решу лично.

Вот так. Все просто у этих карателей. Ну умерла. Подумаешь, мелочь. Все решаемо... Я слушала и медленно зверела. Кажется, сейчас как никогда я понимала зомби, которые, восстав, так и норовят кого-нибудь сожрать. Раньше думала, что это от голода. Ан нет... похоже, от злости.

Я смотрела на затылок ворона и думала о высоком. О высоком надгробном камне, на который бы взобраться, чтобы как следует ткнуть по темечку высочество. Тем более что палица... в смысле – берцовая кость, которой еще недавно отбивался от умертвий Гыргырницкий, валялась неподалеку. Так соблазнительно валялась... Провокационно. А я – что? Такому искушению было и поддаться не грех. Тем более что я уже мертвая и терять мне нечего... А так, умру окончательно и, если встречу кого за Гранью, могу с гордостью заявить, что при жизни (пусть и загробной, уточнять не будем) я была чародейкой редкой силы. И пусть это сила невезения, но все же... И в моем послужном списке будет даже покушение на монаршую особу. Может, даже отчасти удачное...

Сама не заметила, как сделала несколько шагов вбок, как моя рука взяла кость, как я, не издав и звука, вспрыгнула на надгробие. Сейчас на погосте был аншлаг: высочество давал указания, Гыргырницкий вместе с другими преподавателями и меченым выводили студентов из склепа, рыжий проводил какие-то замеры фона, лысый здоровяк раскидывал поисковую сеть... Никто, казалось, не обратил на меня внимания.

Я уже приготовилась к атаке. Напружинила ноги, вложив всю свою злость от несправедливости случившегося со мной в замахи, и...

Ворон резко обернулся. Уставился на замершую меня. Кость я держала на манер топора – над головой.

– Что вы делаете? – невозмутимо уточнил каратель.

– Совершаю покушение, – ничтоже сумняшеся выдала я тоном «не отвлекаемся, не отвлекаемся, продолжаем».

– Бедренной костью? – так, словно я одним видом своего оружия нанесла высочеству душевную травму, спросил он.

– Ну, надо же мне как-то зарабатывать посмертную репутацию, раз с прижизненной не сложилось. – Я пожала плечами. Кость поднялась знаменем победы еще выше. – Сами посудите. В моей семье все знаменитые: и отец, и сестра, и даже братья успели отличиться. Одна я

безызвестная. Умру – и через пару лет никто не вспомнит, кем была Тай. А через два десятка – и вовсе про меня забудут.

Меня смерили внимательным взглядом. Оценивающим таким. Прошлись от темно-каштановой макушки, на которой наверняка мои чуть волнистые волосы стояли дыбом, к заляпанной кровью груди, спустились по куртке, форменным темным штанам, которые тоже были в бурых пятнах, по высоким сапогам со шнуровкой – и вернулись к лицу. Чую, оно сейчас было бледным, грязным и слегка озверевшим.

Ну не умела я скрывать свои эмоции и держать мину. Вот кузина Нари – да. Ей в деле лицедейства не было равных. Сдается мне, что, если ей в суп сыпануть стрихнина, она, как алхимик, наверняка его распознает уже по запаху, но все равно невозмутимо съест весь обед. Потом так же спокойно встанет из-за стола, пожелает всем приятного дня и пойдет готовить для себя противоядие. И все это со спокойным выражением лица, без спешки.

– Судя по всему, у вас посмертный стресс. Такое бывает. Как приедем в отделение, я дам вам успокоительного. А пока положите кость, слезьте с памятника и следуйте за мной в магомобиль, – ворон говорил ровно, но магия, что искрилась на кончиках его пальцев, давала понять: каратель зол. Весьма. И если я не пойду, меня потащат на аркане. И каким он будет – фигуральным или реальным, – узнавать на собственной шкуре как-то не очень хотелось.

Делать нечего. Спрыгнула с надгробия. И, только приземлившись, осознала, насколько мне это непринужденно и, главное, с размахом далось. Начать хотя бы с того, что, оттолкнувшись от камня, я взмыла вверх на десяток футов. А приземлилась легко и бесшумно, точно сын ночи, вышедший на промысел. Правда, приложившись одним коленом и опершись о землю раскрытыми ладонями. Но всё же.

Да уж... «А если бы я тюкнула Его Высочество?» – подумалось вдруг... Я бы ему на раз проломила череп. Ну, или бы сломала бедренную кость тролля. Это уж кто из них двоих кальция больше успел съесть.

– Ничего себе, – произнесла я ошеломленно, вставая с колена и выпрямляясь.

– Посмертный эффект, – бесстрастно пояснил каратель.

Смерила ворона хмурым взглядом. Нет, я, как некромантка, прекрасно знала, что зомби порою бывают демонски сильны. Но одно дело, когда ОНИ. И другое – когда ТЫ.

– За мной, – скомандовал меж тем каратель и сам двинулся к воротам погоста, ничуть не сомневаясь, что я последую за ним.

«За мной» – беззвучно передразнила я, скорчив лицо. Рыжик, увидев мою пантомиму, не выдержал и прыснул в кулак, а потом, когда ворон резко обернулся, сделал вид, что это не он...

Мы с высочеством дошли до ворот в тишине. Он молчал. Мне тоже было о чем подумать, кого проклясть, утешиться тем, что приобрела неповторимый опыт умирания, и решить для себя: если за отпущенное довеском в этом мире время мне удастся познакомиться с приличным мужчиной, то первое, что у него спрошу, это не «ты свободен?»... Нет, я уточню, живой ли он. А что? Если он, как и я, уже мертв, то вопрос с супругой точно решен... Смерть их уже разлучила, и все дела.

Хотя меня вот и разлучать-то было не с кем. Ни парней, ни тем паче супружеских долгов за Тайрин Росс не водилось. Разве что финансовые. Да и то... Нет чтобы взять в банке у цвергов заем покрупнее перед кончиной. Увы, я унесла с собой в могилу лишь не отданные восемь форинтов. И то, зная Клауса... Это адепт наверняка закончит академию, получит лицензию некроманта и, призвав мой дух, требует их обратно. Как пить дать. Такого перед возвращением своих кровных даже смерть (тем более что не своя, а чужая) не остановит.

Последний год Клаус проходу мне не давал. То норовил проводить до дома, то мой личный арбалет одолжить. А чтобы вернуть оружие, к сокурснику нужно было пару раз подойти и напомнить, прежде чем тот отдаст заём. А неделю назад Клаус даже предложил совместно писать реферат.

От того, в какую плоскость свернули мои мысли, я даже головой помотала. Нет, определенно мертвое тело, под завязку накачанное магией, как-то неадекватно реагирует на происходящее, а уж про то, что мне лезет в голову сейчас... Хотя пусть лучше так, чем истерично подвывать и оплакивать себя.

Когда мы покинули погост и прошли квартал, на углу обнаружился магомобиль. Водитель в нем, завидев ворона, отодвинул заслонку. Элементаль, что жил под капотом, заурчал.

– Присаживайтесь, эйра Тай. – Ворон галантно распахнул передо мной дверцу.

– Для вас – Тайрин, – захотелось хоть так усть карателя.

– После всего, что между нами было, думаю, уместно Тай, – светски возразил мне высочество, вскинув бровь.

– И что же было?

– Ну как же? – вкрадчивый, почти интимный шепот чуть склонившегося ко мне ворона заставил меня сглотнуть. А каратель меж тем продолжил: – Вы были во мне, заглянули в суть меня...

– Там не было ничего интересного: ливер и кости, – резко возразила я и увидела легкую усмешку, на краткий миг скользнувшую по губам ворона.

Да он надо мной издевался! В светской манере, тонко – так, что можно было бы принять за чистую монету. Ну моя нежная психика и не выдержала. Я сграбастала ворона за грудки и притянула к себе так, что между нашими лицами оказалась всего пара дюймов. И выдохнула ему прямо в губы:

– Слушай ты, высочество, – я отринула этикетные расшаркивания. – Я мертва. Мне терять уже нечего. Так что не беси!

– Надо же... Я думал, ты бросишься на меня, чтобы убить. А ты всего лишь предупреждаешь, – спокойно, оценивающе ответил каратель. – Извини, но это была вынужденная проверка на адекватность.

– Провокацией?

– Так быстрее, – ничуть не раскаиваясь, ответил он.

– А если бы я кинулась?

– Ну, я в любом случае довел бы допрос до конца.

Вот ведь... дотошный. Прямо как сын подгорного народа.

– Слушай, а ты цверг по маме или по папе? – да, я тоже умела оскорблять. Учитывая, что передо мной один из пяти ненаследных принцев, сомнение в чистоте крови приравнялось к таковому.

– По ситуации, – судя по всему, высочество ничуть не оскорбился. А жаль.

Я осознала, что словесную дуэль проиграла вчистую. Да уж, мне не тягаться с карателем, тем более таким зубастым. Села на кожаное сиденье магомобиля. Ворон тут же очутился рядом и, захлопнув дверцу, бросил водителю:

– В отделение.

Я же, отвернувшись и сделав вид, что увлечена дорогой, как можно более спокойным тоном спросила:

– Скажи, – выкать после моего выпада показалось бессмысленным, – я могу узнать, ради чего умерла?

– Нет, – отрубил ворон. – Это дело государственной важности.

И, поспешив смягчить резкие слова, добавил:

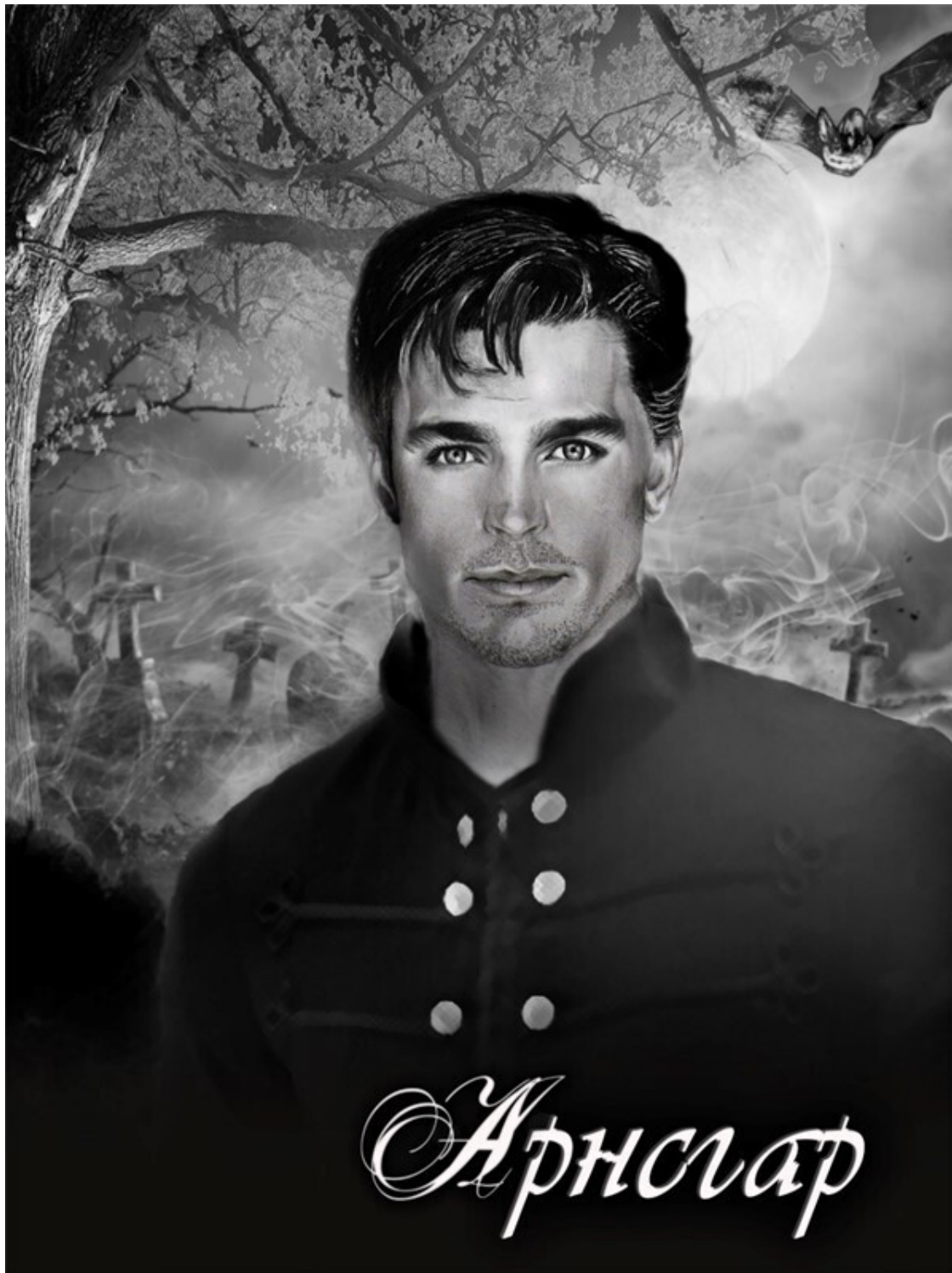
– Тайрин, мне искренне жаль, что ты встретила ренегата. При планировании операции агенты проверили: погост должен был быть в эту ночь пуст.

– Проверили... – Я все же отвлеклась от созерцания ночных улиц бедняцкого спального квартала Смогов, в котором дома похожи один на другой, как близнецы. – Скажи...

Я споткнулась, потому что осознала, что не знаю, как зовут карателя. Да, стыдно не знать в лицо принцев, но я была далека от политики. И полное имя знала лишь у императора.

– Арнсгар, – будто догадавшись о причине заминки, наконец представился ворон.

Услышав это имя, я вздрогнула. А затем молниеносно развернулась. Мои руки сомкнулись на шее карателя. Желание задушить его вспыхнуло факелом.

Глава 2

С этим магом, главой отдела разведки, у семьи Росс были особые счеты. Только сестра, которую этот гад едва не убил десять лет назад, и словом не обмолвилась, что он еще и ненаследный князь. Ту историю старались не вспоминать: нервов она вытянула из Нари столько – что хоть шаль вяжи.

Я уже говорила, что в нашей семье куда ни выстрели – попадешь в гения? Даже если целишься в потолок. Кузина Нари хоть и не пошла по стопам приемного отца – знаменитого скульптора, но тоже увековечила фамилию Росс. Правда, нашей фамилией еще и материлась вся разведка империи, у которой десять лет назад случился грандиозный провал.

Нари, в студенческую пору, будучи выпускницей академии, смогла до конца расшифровать алхимическую формулу, которая спасла тысячи жизней. Единственное, те жизни в основном принадлежали альвам. Оные, к слову, были не то чтобы врагами нашей империи, но не друзьями точно.

Кузину после этого ждала в лучшем случае участь затворницы, а то и вовсе – смерть. Ведь формула была мощным рычагом давления на гордых, несговорчивых остроухих соседей. Что жизнь одной студентки против миллионов форинтов? Не думаю, что тайная канцелярия выбирала бы между Нари и годовым бюджетом империи.

Тогда сестра пошла ва-банк: опубликовала результаты своего исследования. Открытие разошлось по всем газетным листкам, теперь захочешь – не отловишь. На ее голову закончилась охота.

Именем же Арнсгар у нас в семье принято проклинать. Однако Нари не упоминала, ссылаясь на какую-то клятву о неразглашении, а мы и подумать не могли, что глава тайной канцелярии – еще и носитель первородной крови. Ведь эта работа отнюдь не чистая. Скорее даже наоборот. А цесаревичи (они же – великие князья и принцы) мне представлялись если не существами возвышенными и утонченными, то уж точно не привыкшими по локоть возиться в грязи. Пусть та грязь – и людских душ, тайн и интриг.

Но в тот момент я поняла одно: вот он – передо мной, виновник стольких бед нашей семьи, а теперь еще и моей смерти. Интриган и политик, для которого в борьбе за власть все средства хороши...

Арнсгар захрипел, его глаза расширились от удивления. А я хотела одного: убить. Вот только, увы, желать – не значит мочь. Мое тело прошел разряд. Я согнулась от боли, забыв обо всем. А тычок в грудь заставил меня отлететь к дверце магомобилия.

Все произошло за пару ударов сердца, не более. Водитель затормозил тогда, когда я вернулась на свое место.

– Все нормально, едем дальше, – кашлянув, бросил ворон и тут же, обратившись ко мне, произнес со странной иронией: – Не припомню тебя среди своих любовниц. Хотя душила ты меня столь же страстно.

– Почему именно любовниц? – ошарашенная таким заявлением Арнсгара спросила я, приходя в себя.

Элементаль, раскручивая шестеренки и поршни, заурчал под капотом магомобилия, и тот тронулся с места. Шины зашуршали, и им вторил мерный стук капель занимавшегося дождя.

Мы выезжали на проспект. Сердце столицы, квартал Кристаллов, где даже в этот ранний час машины перемигивались фарами с яркими вывесками витринами. Столица жила своей привычной размеренной жизнью, не подозревая о том, что ночью произошло на погосте окраины Эйлы.

– Потому что мои враги, столь же импульсивные, как ты, уже давно и прочно мертвы. Остались только хладнокровные и расчетливые, способные с широкой дружеской улыбкой всадить нож в спину.

Он говорил, изучающе, по-новому глядя на меня. А я наконец поняла, что его фраза про любовницу, показавшаяся мне идиотской, была точно выпад в фехтовании, рассчитанной. Ворон огорошил меня, заставил сбиться с мысли, и, пока я слушала его ответ, успела если не остыть, то взять себя в руки.

– Фамилия Росс вам о чем-нибудь говорит? – медленно выговорила я, сжав кулаки до хруста.

Но чего я не ожидала, так это того, как Арнсгар изменится в лице. Маска его невозмутимости пошла трещинами, как весенний лед на реке. Еще мгновение назад все было гладко, и вот уже – полыньи и торосы. А под ними – стремительный поток эмоций.

– Росс?! Демон меня раздери, Росс!

Его острые скулы побелели, отчего в отсветах ночных огней, что через стекло заглядывали в салон магомобиля, ворон показался мне покойником.

А потом он схватился за грудь. Там, прямо напротив сердца, обугливалась ткань черного мундира.

Я впервые видела действие клейма клятвopеступника. Арнсгар шипел сквозь зубы. По его виску стекла капля пота, он откинул голову. Кадык на открытой шее дернулся. Но я уже знала: эта беззащитность обманчива. И рискни я попытать удачу снова – точно так же попаду под удар заклинания.

– Чуть меньше десяти лет назад я принес клятву, – не дожидаясь моего вопроса, заговорил ворон: – Найриша Росс вытребовала ее у меня. Я обещал, что никто из ее семьи не пострадает от моих действий и действий моих подчиненных. Правда, это было до того, как твоя, я полагаю, сестричка предала Родину и слила всю информацию нашим врагам.

– Арнсгар, знаешь, хочется тебя послать, но я смотрю и вижу, что ты везде уже побывал. И не раз, – вырвалось у меня.

Он приоткрыл левый глаз. Синий.

– Что же. Рад, что у нас есть что-то общее. Хотя бы ненависть друг к другу. – резюмировал он. – Мне будет проще вести допрос.

Кто там говорил о женской логике, что она странная? Выверты мужской, точнее одного ненаследного князя, можно было описать только законами всемирного хаоса.

– Странно, а мне всегда казалось, что разговаривать проще и уж точно безопаснее с тем, кто не хочет тебя убить, – на последних словах мне едва хватило воздуха.

Пришлось шумно вдохнуть. Все же в живом состоянии было много плюсов – например, привычка дышать.

– Да, проще, – уголком рта улыбнулся ворон, – но еще ненависть – эмоция сильная. Именно она порою и мешает сохранить лицо невозмутимым, когда подозреваемый пытается солгать на допросе.

Я же краем глаза оглядела карателя. На его мундире зияла дыра, обугленная, а в ней – месиво из спекшейся крови и плоти. В салоне наверняка пахло жженой кожей, но я этого не чувствовала. Да и боль, подозреваю, была адская. Обычно от такой умирали: чем серьезнее клятва, тем больше клеймо. У ворона оно было внушительным – едва не на половину груди. А он не только не отправился за грань, но даже сознания не потерял.

Мой взгляд пробежал по наглухо застегнутым пуговицам мундира выше, к шее, подбородку, стиснутым в линию чуть обветренным губам. А потом я увидела, что ворон точно так же изучает меня. И резко отвернулась.

На запотевшем стекле капля дождя оставила след-змейку. Осень не плакала. Она всего лишь заваривала крепкий чай из желтых листьев. Накрывала всех и каждого пледом тихой

печали, стучала в окна дождем в ритме протяжного блюза. А вместе с запахом прелого покоя душа, укачиваемая в колыбели из смурных туч, засыпала до весны.

– Жаль, что ты не умер от печати. Тогда мы бы были квиты, – произнесла, не оборачиваясь.

– Под твоими словами подписались бы многие, – отозвался ворон. – Ибо многих в империи расстраивает, что я до сих пор не убит. Касательно же клейма: оно вступает в силу, когда носитель клятвы сам осознает, что ее нарушил. Так что даже хорошо, что ты назвала свою фамилию сейчас, а не в департаменте.

– И чем же? – любопытство было слишком велико, и я невольно снова повернулась к Арнсгару.

– Тем, что меня бы так скрутило, когда начался бы допрос по всей форме. Но уже при подчиненных.

– А водитель, выходит, не подчиненный? – хмыкнула я, кивнув на свидетеля слабости высочества.

– Почему же, подчиненный, – Арнсгар выпрямился и, повернувшись ко мне, добавил: – Подчиненный по всем правилам некромантии зомби, преданный исключительно мне. К тому же язык Кейри вырвали еще при жизни.

Вот ведь! Уел.

– Что, так важно быть непогрешимым и непобедимым в глазах других? – вскинулась я.

– Нет, не важно. – отрезал высочество. – Непростительно показывать слабость. Потому что в моем случае она в прямом смысле убивает. Но даже не это главное. Важнее, то, что это может бросить тень на остальных носителей первородной крови, а значит, и императора.

– Слушай, а ты никогда не хотел поменять приоритеты? – обескураженно спросила я. Все же как-то привыкла считать, что ценность жизни, особенно собственной, выше мнения толпы.

– Скажи, все девицы семейства Росс такие недалекие? – подался вперед Арнсгар. В его разноцветных глазах полыхнуло пламя.

Что же, я могла себя поздравить: за одну поездку дважды довести карателя до состояния «душа просит тепла». Точнее – шквального огня, которым так и хочется сжечь одно наглое умертвие, сидящее рядом.

– Так просвети меня, о, далекий, в чем я не права.

– Хотя бы в том, что спокойная и благополучная жизнь простых имперцев зависит от правителя и совета семи главных домов. Власть зиждется на уважении подданных, страхе сопредельников и вере тех и других в то, что первородная кровь безукоризненна. Что ее носители априори сильнейшие. Что они способны защитить. Всегда. И покарать – тоже. И любое проявление слабости – удар по этой вере, а значит, и по благополучию моей страны.

Слова ворона, этого благородного негодяя, заставили меня задуматься. И сдается, сейчас он говорил не обо мне. Не только обо мне.

– Тайрин. Никогда не наступит мира во всем мире. Равенства и всеобщего благополучия. Всегда будет борьба за власть. И всегда нужно будет кормить свою армию, чтобы не кормить чужую. Поэтому так важно быть сильнее, не показывать и толики своей слабости. опережать противника. Поверь, мне очень жаль, что ты оказалась во все это втянута...

– Втянута? – я ударила кулаком по сиденью так, что дубленая кожа, не выдержав, затрещала. – Да я мертва!

По моим щекам потекли слезы, а голос сорвался. Меня заколотило в банальной истерике: я начала осознавать случившееся. Не просто фиксировать, принимать к сведению, а именно понимать.

Магомобиль замедлил ход. В окне мелькала витая чугунная ограда, а за ней тянулась серая громадина здания. Отдел карателей, о котором ходило множество слухов.

– Кейри, еще один круг по кварталу, – приказал ворон.

Он не добавил «чтобы она успокоилась», но я поняла. Но за то время, пока магомобиль колесил по улицам, я действительно сумела взять себя в руки. А когда вышла из него, то мои глаза были абсолютно сухи. Мундир карателя, к слову, тоже был вне подозрений: целым и невредимым. И если в моем случае на помощь было призвано самообладание, то Арнсгар использовал магию иллюзий. Причем высшего порядка. Так, что ткань казалась невредимой не только на вид, но и на ощупь. И неважно, что под ней было кровавое месиво.

Ворон ничем не выдал то, что еще четверть часа назад корчился от дикой боли. Даже не поморщился, пока шли по аллее, коридорам, отнюдь не безлюдным, несмотря на ранний час. В отделе карателей кипела работа.

Меня проводили в допросную, где сразу же появились стенографистка, маг в черном мундире с записывающим кристаллом, ну и, собственно, ворон. Последний-то и доставал меня вопросами добрых два часа. Между нами лежали злость, усталость и артефакт абсолютной правды. Последний пару раз мигнул красным, когда я думала, что какая-то деталь незначительна и не стоит ее упоминать.

Пару раз в кабинет забегала блондинка в черном мундире, принося ворону какие-то бумаги. Глянув на них в последний приход вестницы, Арснагр откинулся на спинку стула и произнес:

– Зато теперь понятно, почему территорию кладбища повторно не прочесали перед началом операции, – и уже застывшей статуей блондинке: – Молодой жене погибшего выплатить компенсацию. Его новорожденному сыну – обеспечить стандартное пособие.

А когда черномундирная ушла, я в упор посмотрела на ворона. Без всяких слов. Они казались мне лишними. Он все понял и пояснил:

– Капитан, отвечавший за зачистку, найден убитым. Кто-то по его кристаллу связи прислал отчет, что погост чист. В это время каратель уже был мертв. А это значит, что все гораздо хуже, чем я предполагал. . . – Он оперся локтями о стол и сцепил пальцы в замок. На миг задумался. А затем прозвучало: – На сегодня допрос окончен. Я отвезу тебя домой и принесу личные извинения твоей семье.

После этого его заявления я поняла, что в моей классификации к условно бессмертным стоит отнести не только водителей, занимающихся извозом, которые ничтоже сумняшеся летят на запрещающий сигнал постового жандарма, но и ненаследных великих князей.

– Ты в курсе, кто мой отец? – осторожно уточнила у ворона. Нет, я, конечно, была не против оказаться отомщенной по всем правилам вендетты: чтобы Арнсгар тоже получил путевку за Грань. Но не из рук же моего отца?! Папу же потом посадят.

А то, что Моррис Росс если не испортит здоровье ворона, то подпортит ему физиономию, – как водички попить. Как-никак отец был великим скульптором. И великим не только в плане таланта, но и габаритов. Правда, у папы было весьма альтернативное видение прекрасного. Так что неподготовленных гостей, которые напрашивались в мастерскую, дабы первыми узреть творения великого мастера, после кузины с братцами откачивали валерианой, водой и оплеухами. Я, правда, предлагала прибить этих бедняг из милосердия. А что? Их неокрепшая психика при виде статуи младенца с рыбьей головой, насаженного на вертел, ломалась так, что восстановлению не подлежала.

Но домашние оказывались глухи к моим предложениям. Зато полутрупные зрители, валявшиеся в отключке после нервного потрясения, – отчего-то нет. Вот всегда подозревала, что обморок обостряет слух!

Как иначе объяснить то, что эти обморочные господа после моих слов обычно резко вскакивали, вспоминали, что у них есть срочные дела и спешили всенепременно, вот прям щас, их выполнить. И удирали. Пару раз даже в окно, перепутав его с дверью.

Зато гением мэтра Морриса Росса восхищались. Вздрагивали и восхищались. Чаше всего издалека. А самые крепкие духом даже приходили на выставки. И в один голос заявляли, что

Моррис – гений. Ну а попробуй сказать магу с даром разрушения и хаоса другое. Не успеешь глазом моргнуть, как станешь частью очередного его творения: обелиском там или барельефом. Смотри куда тебя вмуруют.

– Вообще-то да. У него отлично получилась статуя Вирмара Норвуда. Я ее оценил.

Я припомнила сие творение, подаренное Моррисом молодоженам на свадьбе и больше напоминавшее агонизировавшего зомби, чем новобрачного, вздрогнула и уточнила у ворона:

– То есть ты совсем ничего не боишься в этой жизни?

– Нет, – прозвучал усталый и предельно честный ответ: – Я всего лишь порою опасаясь.

С этими словами Арнсгар поднялся из-за стола и подошел к шкафу. Выбил по нему странную затейливую дробь, после которой дверца отщелкнулась. А я, лицезревшая эту картину, с запозданием поняла, что это у высочества случился не нервный тик, когда он постучал по выдавшему не только виды, но и не одну переклейку учетных номеров при инвентаризации мебели шкафу.

Сейф, а именно он маскировался под почти антикварный шкаф, оказался полон неожиданных. Вытянув шею, я смогла узреть то, что не закрывала широкая спина ворона: занятное соседство стопки бумаг, черепа со светящимися глазницами, грозди амулетов и двух бутербродов.

Причем ворон сначала взял их, потом – несколько колец, камни на которых сияли явно магическим блеском. Как первое, так и второе тут же пошло в ход. Зубы вонзились в бутерброд, а пальцы высочества, на которых и так было два перстня, стали унизаны кольцами.

– Фто? – активно работая челюстями, спросил в ответ на мой недоуменный взгляд Арнсгар. – Я уважаю Морриса Росса.

Камни, сверкнувшие на его фалангах, подтвердили: да, действительно уважает, причем настолько, что неподготовленным к нему высочество в гости не сунется. Я пригляделась: рубин с красными сполохами – скорее всего, в нем атакующее заклинание высшего порядка. В оправе другого сверкал сапфир неправильной формы – это, скорее всего, защитный. И сдаётся мне, мастер-артефактор не стал бы вплетать в столь дорогой камень какой-нибудь пустяк. Например, в бирюзу – да. В нее не грех спрятать слабенький заслон или чары от насморка. Впрочем, сказала я совершенно другое:

– А еще ты уважаешь, как погляжу, буженину. Вон какую бронированную охрану ей организовал. В сейфе, – кивнула на бутерброд.

– Ты даже не представляешь, сколько в ведомстве охотников на дармовое вкусное мясо. Зазеваешься – и всё.

– Съедят? – уточнила я.

– Хуже. Испортят. – Доедая то ли ужин, то ли завтрак, ответил высочество и пояснил: – В основном ядом. Что самое обидное – отравы могут и не доложить!

– Неужели тебя так не любят подчиненные? – удивилась я, краем глаза наблюдая, как стенографистка на цыпочках по стеночке, по стеночке крадется к двери.

Маг с записывающим амулетом странно косил на нее глазом, но стоял не шелохнувшись.

– Эйра Рунур, в следующий раз, если вы решитесь травить, не берите вытяжку белладонны и волчегодника. Тем более еще и с магическим компонентом. От него противное послевкусие, – не оборачиваясь, четко сказал ворон вжавшейся в стену стенографистке.

Та, в одной руке крепко держа папку с бумагами, так и распласталась по обоям. М-да... Надо было ей намекнуть, что в подобных ситуациях важнее уметь держать лицо, чем документы.

– Арестовать, – не меняя голоса, произнес Арнсгар.

На стенографистку тут же бросился каратель, что до этого стоял в углу с записывающим кристаллом, а в открывшуюся дверь заскочили еще двое.

Под выкрики девицы «Будь ты проклят, узурпатор», «Имперская гниль», «Сопrotивление победит!» ее с заломленными руками увели.

Все продлилось не больше пары минут. Я молчаливо смотрела на произошедшее. Сказала бы, что даже не дышала, но ввиду того, что в нынешнем состоянии воздух мне уже не требовался, это бы не отразило степени моего изумления.

А высочество как ни в чем не бывало пояснил:

– Я ее вычислил давно. И планировал арестовать чуть позже, чтобы через нее выйти на других ренегатов. Но, с учетом того, что произошла утечка информации...

– А почему не отдал приказ, как только мы приехали? И при ней вел допрос?

– Потому что она хоть и заговорщица, но отличная стенографистка. И пока не догадывалась, что разоблачена, выполняла свою работу быстро и аккуратно. Арестуй я ее до начала допроса, пришлось бы срочно искать другую. Так что я предпочел обойтись без лишней суеты. А из застенок ей в ближайшее время не выбраться. Спустя же пару лет эта информация утратит какую-либо ценность.

Холодно. Цинично. Расчетливо.

О спокойствие карателя только что разбилась ярость заговорщицы. Вот только каково это: держать все всегда под контролем? Сдается, плата ворона была высокой.

– И часты ли такие вот покушения? – я чуть склонила голову набок, рассматривая тени, залегшие под глазами Арнсгара.

– Случаются, – уклончиво ответил высочество. И сделав шаг ко мне, протянул руку.

Жест, оточенный до автоматизма, отработанный до градуса и дюйма. Чтобы не преклониться, но показать уважение. Сейчас передо мной был аристократ до мозга костей. Который, в отличие от стенографистки, умел держать и лицо, и спину, и слово.

– Тайрин Росс, позвольте отвезти вас домой.

Я приняла его руку, поднимаясь, но не удержалась:

– Прошедший день обещал хороший вечер, – вздохнула я, – и ни словом не обмолвился, что он же будет моим последним в этой жизни.

– Вечера – они такие, – отозвался Арнсгар, – наобещают, а утру приходится устранять последствия их посулов.

Я обернулась к ворону и поймала его взгляд. И мы говорили отнюдь не только о времени суток. А когда вышли из управления, то оказалось, что ночь уже миновала.

Рассвет. Алый диск неспешно вставал над горизонтом. Воздух звенел. Капли дождя искрами блестели на солнце. Желтые опавшие листья казались драгоценными. Город выглядел чистым, словно для парада, будто это не столица вовсе, а гарнизон, которому до побудки осталось совсем немного.

Ровно три мига. И вот по рельсам прогремит вагончик, подгоняемый элементом. Тренькнет далеко и звонко его колокольчик. Или промчится по брусчатке магомобиль припозднившегося гуляки. Но это через три мига. А пока... Тишина. И хочется оттолкнуться от земли и взлететь. Навстречу пурпурным облакам. Поймать этот миг. Он был прекрасен. Его хотелось запомнить таким. И меня – такой.

Вдруг подумалось, что не хочу сочувственных взглядов семьи. Да, может, это и эгоистично. Но как представила, что оставшиеся дни они будут смотреть на меня, зная, что я уже мертва, пытаться улыбнуться через ком в горле, видеть, как из меня уходит магия и разрушается мое тело... Не хотела этого, и все.

– Пусть я умру для семьи сразу, а не по частям – решительно выпалила я, резко остановившись. Причем забыла, что у меня, как у умертвия, ныне сил больше, чем у обычного человека. Изрядно больше. В итоге Арнсгара резко дернуло назад, пригвоздив к месту.

Он полуобернулся ко мне и вопросительно изогнул бровь. Пришлось пояснить свою мысль. Ну и опустить свою руку.

– Не хочу, чтобы они все те несколько дней, что я буду ожившим мертвецом, прощались со мной. Ведь в твоих силах подстроить мою смерть? Пусть она выглядит естественной и быстрой. Или я уеду куда-нибудь...

– По обмену, – вот почему в прозвучавшей фразе высочества мне послышалась ирония? Хотя нет, наверняка показалось.

– Нари сейчас ждут второго ребенка, ей нельзя волноваться. Пусть я просто уеду. И спустя несколько лет, допустим, не вернусь, – сказала и удостоилась внимательного взгляда.

– Хорошо... – медленно, с расстановкой произнес Арнсгар. – Тогда сегодня советую не опаздывать в университет. Тебя будет ждать направление на стажировку в урийской усыпальнице.

Признаться, не поверила своим ушам. Да это же древний город мертвых! Территории, куда так просто не попасть. Там хранились древние артефакты, на стенах гробниц, по слухам, были начертаны не поддающиеся расшифровке заклинания экзорцизма. В усыпальницах останки древних – и спецдопуск к оным. Место, где сохранились свидетельства некогда могущественной цивилизации стригоев. Правда, последних, судя по летописям, драконы истребили еще до своего окаменения... но это лучше ведают историки. А вот то, что город мертвых тщательно охраняют, – ведают адепты темного факультета. И да, каждый из студюзосов-некрмантов мечтает туда попасть на практику!

На миг я даже забыла, что мертва, – столь сильны оказались азарт и жажда открытий. А потом вспомнила – это всего лишь предлог. Усыпальница просто находится на другом краю империи. За Долиной гейзеров. Ну вот почему так! Обычно за такой шанс – очутиться в усыпальнице стригоев – адепты убить готовы. А мне, чтобы попасть на такую шикарную стажировку (пусть даже и фиктивно), самой пришлось умереть.

Вот что значит невезение! Да я даже на пути к очередным граблям судьбы, который будет не длиннее пяти футов, умудрюсь попасть в пару волчьих ям и дюжину капканов...

Такие мысли меня обуревали, пока мы ехали в магомобиле до моего дома.

Улицы просыпались. Из трубы пекарни завился легкий дымок. Аромат свежей сдобы наверняка гулявским котом уже выскользнул на улицу, дразня редких ранних прохожих.

Рассветные лучи целовали стекла домов, и те атели отблесками в ответ. Город пробуждался. Обновленный после дождя. Оживал, его пульс убыстрялся. Когда мы остановились напротив моего дома, то соседка-троллиха уже бдительно стригла кусты рядом со своим крыльцом. При этом Тамарин, работая секатором, зыркала не хуже матерого шпиона.

Хотя внешностью для тайного агента она слегка не вышла: с ее гренадерским ростом и свирепым взглядом опытного стрелка затеряться было проблематично. Причем не то что в кустах, но даже и среди драконов. И все же. Она пыталась. Если не спрятаться целиком, то замаскироваться под досточтимую горожанку. Но как по мне, чепец и кудельки, обрамлявшие зеленоватое лицо, смотрелись слегка дико рядом с торчащими клыками. Оные, в силу тролльеи физиологии, при всем желании нельзя было спрятать. Посему они всегда торчали над нижней губой Тамарин.

Я хотела сама открыть дверь и выйти, но Арнсгар меня опередил. Как-то у него это быстро и опытно получилось: выскользнул из магомобилия – и уже дверца передо мной распахнута, и рука мне протянута. Делать нечего. Пришлось соглашаться и изображать обремененную этикетом особу, жутко признательную сему галантному жесту.

– А... смотри-ка, явилась, ночница-соседка, – сверкнула в нашу сторону глазами Тамарин. Ее зычный голос разнесся в кристальном утреннем воздухе далеко. – Да еще не на своих двоих, да с хмырем залетным под ручку, у-у-у, блудница...

Чик-чик-чик – в воздухе ожесточенно засвистели ножницы секатора.

– Непутевая девка, вся в отца! Дома не ночует, штаны носит... Тьфу, непотребница! – меж тем бубня, как Тамарин думала, себе под нос, а на самом деле – на всю округу, возвестила она. – Вот наверняка припрет скоро в подоле...

Ворон, которого из главы тайного отдела резко понизили до «залетного хмыря», лишь заинтересованно изогнул бровь.

– Поверь, лучше пусть меня соседи считают развратницей, чем некроманткой. Иначе я замучаюсь им души покойной родни вызывать по поводу каждого чиха, – как можно тише произнесла я.

К слову, опасения эти были не беспочвенны: лет десять назад, когда весь квартал узнал, что Нари – алхимик, причем весьма толковый, к нашему дому выстроилась вереница за дармовыми эликсирами, которые каждый просил сварить «за так, по-соседски». И если бы зелья нужны были для больных и немощных. Нет же, через одно – любовные! Да что соседи – даже бывшие одноклассницы кухни тут же вспомнили, что сидели с ней за одной партой. Все разом. Судя по числу «школьных подруг», эта парта Нари была длиной едва ли не с набережную Кейши.

Кухина, чтобы разогнать халявщиков, поступила в лучших традициях перекупщиков: назначила на свои услуги заоблачные цены. Такие страшные, что ими было впору лечить от заикания. Надо ли говорить, что «друзья» и «добрые соседи» самоликвидировались. Зато по городу поползли слухи о несметных богатствах и алчности семейства Росс.

Угу. Чем мы ныне были богаты – так это долгами. Именно в них и предпочитал хранить все свои сбережения Моррис Росс. Нет, голодать не голодали. Но и не шиковали.

Правда, кухня уже давно вышла замуж, жила отдельно и предлагала помочь отцу, но он отказывался. Особенно после того случая, когда лекарь назначил Моррису от очередной хвори пропить железо. Ну отец и пропил. Кованый холодильный ларь и магомобиль. К слову, последний был подарком Нари.

Когда папа протрез... излечился и от хвори, то окончательно понял: искусство и деньги в его случае несовместимы. Причем пока денег особо не было – в нашей семье было все спокойно. Но стоило появиться... В общем, Нари смирилась и, приезжая, как сейчас, погостить, оставляла кошель не папе, а мне. Видимо, считая меня самой разумной из семейства.

Теперь, похоже, придется отдать почетную роль кому-то из близнецов. С такими мыслями я и шагнула от магомобилея.

– Спасибо, что подвез, но дальше я сама...

Арнгар лишь понимающе кивнул. Моей просьбе ничего не говорить родным, он если и удивился, то вида не подал. И заверил, что сегодня же в деканате будет приказ о стажировке на мое имя. Нужно будет только прийти и расписаться.

На мне благодаря его заклинанию была абсолютно чистая и целая факультетская форма, куртку которой я машинально расстегнула.

Впереди у меня – целый день, чтобы побыть с семьей, сбегать в университет на занятия... Благо, сегодня у нас две лекции, которые закончатся к пяти вечера. Вернуться, обрадовать домочадцев стажировкой, собрать вещи и уйти.

Ворон заверил, что у меня есть время до девяти вечера. Так что, может, я даже склеп себе найти успею, в котором и отойду к праотцам.

– Держи, – каратель снял с пальца один из перстней, на котором была императорская печать.

– Что это? – я не спешила принять подарок, больше похожий на компенсацию. Сомнительную такую.

– Это амулет называется «Пески памяти» – когда ты умрешь окончательно, твое тело развеется прахом, где бы ты ни оказалась.

Я посмотрела на украшение. Да уж, щедрый дар. Который стоит немало. Но, главное, ни один некромант потом не сможет по своей воле вызвать мой дух или найти останки, чтобы поднять их. А значит, для всех я не умру, а просто исчезну.

– Спасибо, – я взяла кольцо. И лишь потом задумалась: оно ведь было не для меня. Вернее, его создали для ворона. А это значит, что он в каждый миг своей жизни был готов вот так «уйти песком в небытие». Не умереть, но навсегда исчезнуть.

– Прощайте, Ваше Высочество, – чуть склонила голову.

Не будь я магом смерти, возможно, сейчас бы истерила, ревела в три ручья или находилась в прострации по поводу того, что умерла. Но я была некроманткой, которая попрощалась с жизнью в холодных водах, когда тонула и сумела поймать свой дар. Такой же, как и мои сокурсники. Мы жили каждым мгном, взхлеб. Шутили, порою весьма цинично, и, наверное, как никто понимали, что наша жизнь оборвется. Скорее всего, внезапно. И, в отличие от многих, мне достался редкий подарок: попрощаться с близкими.

– Ну что, Арнсгар, увидимся за Гранью, – я вскинула голову.

– Увидимся, – грустно улыбнулся он.

Я повернулась и сделала несколько шагов к дому. Все это – под ожесточенное шелканье секатора, под бдительным соседским взором. А потом неожиданно даже для самой себя обернулась и произнесла:

– Ворон, а из тебя бы мог получиться неплохой некромант.

И, не дожидаясь ответа, поспешила к своему крыльцу. Могла побиться об заклад, что сегодня у госпожи Тамарин случатся многоплодные роды. И в итоге на свет появится не одна раскидистая и кучерявая сплетня про беспутную Тайрин Росс и ее богатого любовника. Ну, хотя бы так. Не всем же быть увековеченными в легендах. Кому-то нужно и в сплетнях.

Дом встретил меня тишиной. Хороший день у главы семейства, эйра Морриса, начинался не ранее часу дня. Плохой, впрочем, тоже. Братья-близнецы о своем распорядке дня не докладывали, но, как мужчины в полном расцвете сил и любви, часто и вовсе не ночевали дома. Хотя, статья, Чейзу недолго ходить в холостяках осталось.

Единственный пораньше мог проснуться дядя Матеуш. Но вчера он уехал с нашим породистым котом Бенедиктом Вторым Неподражаемым на выставку и, похоже, вернулся с нее далеко за полночь. Наря же, как дама глубоко замужняя, давно и прочно эйра Норвуд, а не Росс, и вовсе не ночевала, как и положено, у себя в особняке, что располагался в престижном районе Голубой Ягоды. А к нам приезжала на пару часов. Так что ныне ее в доме не было.

Рассудив, что тихушничать особо не от кого, я прошла в кухню. И там узрела Морриса. Мрачного и решительного, как герой одного из сражений древности. У него даже и награды имелись: за героический двухчасовой сон – мешки под глазами третьей степени, за отвагу, проявленную в неравной схватке с одеялом, – круги вокруг глаз первого ранга и за выдающиеся заслуги перед кроватью – следы от подушки высшего разряда.

– Папа, доброе утро, – я была слегка озадачена такой картиной. – Что-то случилось?

– Да, – мрачно обронил отец. – Моего «Блюцифера» раскритиковали в пух и прах.

– А кто? – я сделала несколько шагов, плавно села на табуретку напротив Морриса, через стол и заглянула ему в глаза.

– Эксперт. Вон какую статью накатал в «Имперском вестнике»...

Новостной листок, изрядно помятый, со следами то ли томатного сока, то ли крови, лежал на краю стола. Я взяла его, прочитала. Эпитеты «недостаточно ужасна» и «бездарный эпатажник» были самыми мягкими. Я вспомнила отцовского «Блюцифера» – коня, местами лишенного кожи, а кое-где и мышц, с беременной наездницей, рассеченной пополам. Причем, если смотреть с одной стороны, дева была почти нормальной, а с другой – в разрезе и ребенок в ее чреве – лишенным головы. В общем, статуя в духе Морриса Росса – не для слабонервных. Высокое искусство, одним словом, которым хорошо лечить запор и заикание.

– Пап, – я отложила статью. – Если читать все, что о тебе пишут критики, то можно и помереть. От разрыва. Причем не сердца, а себя целиком. Когда ты будешь метаться между тронem с короной и обрывом повыше, с которого бы кинуться.

Моррис, до этого внимательно изучавший свои узловатые, жесткие даже на вид руки с задубевшей кожей и черными полумесяцами ногтей, поднял голову.

– Тай, а может, ты и права... не стоит обращать внимания на всякую шуштуру, которая тем и знаменита, что брешет громко и звонко.

Я хотела положить свои ладони поверх его рук. Остановилась в последний момент. Поняла, что лучше не надо. Я уже мертвая. И, наверняка, холодная. А это может насторожить отца, который порою не видит главного, но всегда подмечает детали. Ограничилась лишь:

– Обещай, что будешь слушать не критиков и подпевал, а только себя. Обещаешь? – и доверчиво заглянула ему в глаза.

– Д-д-да, – неуверенно произнес Моррис. Он был бесстрашен. Случись ему выйти на бой, я уверена, – он бы победил. Сколько бы врагов у него ни было. Но то реальных из плоти и крови. А есть противники куда страшнее. Они точат нас изнутри – сомнения и страхи.

– Вот и отлично! – Я вскочила со стула и, пока папа сам не обнял меня, протараторила: – Давай я приготовлю тебе чай. Или даже супчик!

– Нет! – поспешно, словно я предложила призвать на нашу кухню всех демонов преисподней оптом, возразил Моррис.

– Поддерживаю, – в дверях появился сонный, перманентно зевающий Генри – один из близнецов.

Он тоже выглядел по-геройски. Правда, судя по ранениям, сегодняшнюю ночь он провел не в плену у подушечки и одеялка, а сражаясь на передовой. Только фронт был любовным. Засос на шее и след когтей на груди. Последний оставила явно большая, очень большая кошечка. Светлый длинный волос, застрявший в его родной пепельной шевелюре, свидетельствовал о масти «кисы».

– Душите вы мои прекрасные порывы.

– Иногда талант отравителя и задушить не грех, – ничтоже сумняшеся парировал братец.

– Вот не надо! – насупилась я, беря половник. Повертела его в ладони. Так, исключительно для кулинарных целей. – Я неплохо готовлю...

– Да, – удивительно покладисто согласился Генри и добавил: – Ты вкусно режешь окорок. А еще виртуозно варишь яйца!

Да что Генри знает о том, как тяжело вкусно нарезать окорок! Особенно когда ты голодна и хочешь сожрать его целиком! Особенно когда придешь поутру с ночного практикума и сама злая, как зомби.

Нет. Вот сейчас братишка сам напросился! Хотела это сделать позже, но чую – нужно сейчас. Вот как поднимусь к себе, найду кошель, в котором у нас лежат деньги на домашние расходы, и торжественно вручу братцу. А еще – поздравлю его с окончанием финансового года. И не важно, что идет еще только третий квартал. Деньги в семействе Росс кончились – значит, и финансовый год – тоже!

– За мной, – сказала я тоном полководца и махнула половником в сторону лестницы.

Независимо протиснулась мимо братца, всё еще стоявшего в дверном проеме, и пошла на второй этаж. Надо ли говорить, что Генри и не подумал последовать приказу. Зря. Некроманты делают предупредительный выстрел сразу в голову, а уже потом разбираются, зачем и в кого. Вот и я запустила свой снаряд в белобрысую башку. Генри уклонился невозмутимо и быстро. Мое оружие срикошетило о косяк и по невероятной, виляющей, как пьяный заяц, траектории устремилась к буфету, отскочило от его дверцы, врезалось в люстру, стену и наконец нашло цель – затылок отца.

Упс.

– Да, сестренка, я, конечно, подозревал, что ты способна организовать покушение. Но не на нашего же отца. И не поварешкой. Хотя, признаться, заклинание интересное. Никогда не видел, чтобы предметы так отскакивали. Сколько единиц силы вложила?

А я с запозданием поняла, что нисколько. В смысле магии. Была лишь одна единица злости. Только помноженная на силу умертвия.

– Ой-е, – простонал отец, потирая шишку. – Как больно-то.

– Прости, папа, я нечаянно. – Стрелой пролетела обратно в кухню, распахнула морозный ларь и достала лед. Приложила его к затылку отца. А когда убедилась, что в основном пострадал все же не затылок, а гордость Морриса, выдохнула.

Генри, наблюдавший картину моих метаний по кухне, сложив руки на груди и оперевшись плечом о косяк, скалился. Паразит! В общем, вел себя в лучших традициях старшего брата, наблюдавшего за тем, как младшая опять села в лужу.

– Пап, он меня бесит, – раздраженно зыркнув на Генри, произнесла я. – Можно я брошу в него яблоком? – С этими словами цапнула из вазы на столе подгнившую с одной стороны ранетку.

– Нет, – выдохнул Моррис – Едой кидаться нехорошо. Кинь в него... – И тут блуждающий взгляд отца на миг остановился на кочане капусты, потом скользнул на горсть орехов и замер на латунном шелкунчике, весившим пару фунтов, – вот этим.

Перст отца указал на орехокол. Да, эйр Моррис был прогрессивным отцом. Его взгляды на воспитание в детях независимых, взрослых личностей были настолько смелы, что доводили до икоты некоторых учителей. Хотя поначалу те пытались что-то возразить, но... Один-единственный раз побывав на родительском собрании у Чейза и Генри, папа нечаянно от избытка матерных чувств выжег на парте послание: «Дети, вам хана».

А все потому, что классная наставница в красках расписала, как близнецам удалось загнать преподавателя гимнастических упражнений на столб. И ладно бы просто загнали. Так слегка тучный эйр не мог потом слезть с этой орясины. Пришлось вызывать жандармов и организовывать эвакуацию. И счет за нее пришлось оплачивать папе.

В общем, Моррис был отцом любящим, но справедливость – больше. И будь я просто Тай, я бы непременно воспользовалась разрешением на обстрел Генри. Но сейчас... Прикинув, что шелкунчик, который я метну, может с легкостью пробить брешь не только в непоколебимой самоуверенности Генри, но и в его башке или каменной стене, поостереглась.

Зато теперь мне никто и ничто не помешало сделать то, о чем я мечтала с самого детства. Взять старшего братца за грудки и приподнять над полом. А потом просто потащить наверх, как плюшевого медвежонка. Большого медвежонка, который упирался руками, ногами и даже попытался выдрать косяк.

Крик «Та-а-ай!» перебудил, по-моему, не только весь наш дом, но и квартал. Но я была отомщена за все те годы, пока была «мелкой», «малявкой» и «шмакодявкой».

Я таки всучила братцу кошель, от которого он старательно отнекивался. Впервые на моей памяти Генри отбрехивался от денег, которые ему пихали в руки.

– Я же не умею экономить! Да я вообще с боку-припеку на семейном бюджете, как стри-гущий лишай. И как он – столь же полезен для финансового здоровья Моррисов. – горячо возражал братец и добавил с просящей интонацией: – Тай, прости меня за все! Я от души сожалею, что сумел уклониться от этого твоего половника! Ну зачем же так коварно мстить!

– Знаешь, простить гораздо легче, если обидчик искренне раскаивается, горя на костре, – выпалила я со злости.

Братец тут же сориентировался: на его руке заплясало пламя. Демон! Надо было говорить не про сожжение, а про утопление: камешке там на шее, веревочке покрепче, омуте поглубже. А то при упоминании инквизиторского пламени маг-огневик и рад стараться... и паясничать.

– Вообще-то я давно тебе хотела передать это ярмо... прости – бразды правления нашим родовым бюджетом – в сильные, смелые, – я посмотрела на полыхающий факел на ладони Генри и мстительно добавила: – горячие мужские руки.

Пламя тут же потухло.

– Ты выходишь замуж? – с подозрением уточнил брат, став враз из разгильдяя Генри суровым и собранным магом. Почти драконом, готовым начистить забрало любому рыцарю, решившему покуситься на его принцессу.

– Лучше, – я старательно растянула губы в улыбке.

– Ты беременна и выходишь замуж? – превращаясь в грозовую тучу, уточнил брат.

Хм... как-то странно он понял слово «лучше»... Хотелось еще помуржить Генри: загадочно накрутить локон на палец, томно вздохнуть, опустив глаза долу. Но я решила, что сейчас – лучший момент, и решительно, так, что брат пошатнулся, едва не потеряв равновесия, втиснула почти пустой кошель в руки Генри. А потом произнесла:

– Нет. Еще лучше! Я еду на стажировку в город мертвых! На пару месяцев.

– Куда? – вытаращился на меня брат и затем медленно перевел глаза на свои ладони, в которых, к его немалому удивлению, уже был кошель.

– Восточная граница империи, за Долиной гейзеров, – услужливо подсказала я и добавила: – Мне на днях предложили. И я согласилась, – начала вдохновенно сочинять на ходу. Так что ты бы все равно остался за казначея.

– Но почему я? А не Чейз? – и столько искренней обиды в голосе брата.

– Потому что ты гибкий, – произнесла я таким тоном, что стало непонятно, что я имела в виду: дипломатические качества Росса-младшего или физические, благодаря которым он уклонился от половника.

Генри готов был, кажется, взорваться. И я произнесла:

– Ты не выйдешь? А то я хотела переодеться до прихода Нары. Она обещала с утра заглянуть в гости... – и потянулась к пуговицам форменной рубашки.

Братец недовольно фыркнул и, развернувшись на пятках, вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Зато кошель забрал.

А я осторожно, на цыпочках, сделала несколько шагов, взялась за засов и аккуратно задвинула его. А потом прислонилась спиной к двери и откинула на нее голову. Сколько я так простояла? Не знаю. А когда отстранилась и отошла к шкафу, чтобы выбрать чистую одежду, то увидела, что на белой краске остались пятна крови. Выругалась. Нашла салфетку и оттерла их, костеря себя за забывчивость. Морок мороком, но на самом-то деле вся моя одежда в крови. И об этом не стоило забывать. Выбрала платье потемнее и поплотнее и отправилась в ванную. Все же стоило смыть с себя грязь и кровь.

Встав под струи душа, машинально повернула красный вентиль. Горячая вода ударила о поддон, выбив россыпь капель и облака пара. Вот только тепла я не чувствовала. Зато одна из ран на теле начала сочиться. Не сильно, почти незаметно, но все же.

Я резко закрыла воду. А потом потянулась к другому вентилю. Холодная вода не обжигала кожу морозом. Я вообще не чувствовала ничего. Возникла мысль: интересно, окажись я в холодильном сундуке, я бы смерзлась в ледышку, окоченела или не потеряла бы подвижности?

С такими чисто исследовательскими мыслями я и вышла в коридор. На голове был тюрбан из полотенца. Халат старательно запахла так, чтобы закрытой оказалась даже шея. И на цыпочках, тихо-тихо, так, чтобы неожиданные неприятности не услышали и не кинулись за мной следом, быстро посеменила к своей комнате.

Спать не хотелось вовсе. Обычно в это время, придя с ночного практикума, я падала замертво на кровать. Но... судя по всему, те, кто говорили «после смерти выпейся», ни демона не понимали в загробной жизни.

Нари с племянниками обещала прийти к обеду. До этого времени я должна бы, по идее, сладко посапывать. Но как-то мне мять подушку совершенно не хотелось. Впрочем, голода я тоже не чувствовала. Припомнила, что там говорил Арнсгар... кажется, что мое сердце будет биться не чаще удара в минуту, а вдохи и выдохи станут редки.

Задумчиво потрогала мокрые волосы, которые никак не хотели высохнуть. Взгляд упал на бледную кожу. Подумалось, что те несколько часов, что уходили у меня на сон, сегодня я потрачу на то, чтобы выглядеть нормальной.

Так оно и вышло. Я несколько раз накладывала и стирала перед зеркалом макияж. Первый раз перестаралась с пудрой – и румянец вышел излишне здоровым. Прямо свекольным. Вторая попытка привела к тому, что, увидев мой раскрас, девицы из квартала Сиреневых фонарей полезли бы в драку – вырывать лохмы наглой конкурентке, вздумавшей покуситься на их угоды.

Но с третьего захода все получилось как надо: и чуть смуглая кожа, и небольшой румянец, и алые губы. Припудрила подбородок, шею. Задумалась над тем, что делать с руками – крем с них быстро смоеется... А потом вспомнила о тонких перчатках в мелкую сеточку. Их я надевала лишь однажды – на свадьбу Нары. Правда, они были небесно-голубыми. Ну да ничего – завяжу на волосах, собранных в высокий хвост, ленту в тон.

Когда хроносы в зале гулко пробили полдень, я была готова. И не только сама – вещи для «стажировки» лежали в ярко-желтом потрепанном чемодане, который стоял посреди комнаты.

Внизу хлопнула дверь, а потом дом наполнился детским смехом и криками папы: «Осторожнее! Не разбей!».

Выйдя на лестницу, я увидела чету Норвуд в полном составе: их шебутную тройню, Нары с округлившимся животом и Вирмара. Последний осторожно обнимал кузину за талию, будто оберегая ото всего мира сразу. Глядя на них, я поняла, что по-настоящему счастливыми могут быть только любящие, а влюбленные... Влюбленные только еще постигают эту непростую науку.

Генри, уже ничем не напоминавший утреннего разгильдяя, остановился перед лестницей рядом со мной. Его расчесанные волосы лежали волосок к волоску, деловой костюм сидел идеально. Значит, после встречи братец отправится напрямик на работу, где опять задержится едва не до полуночи.

– Тай, как думаешь, – неотрывно смотря на кузину и ее мужа, спросил Генри: – лучшая пара – та, которая началась с дружбы, ненависти или симпатии?

– Та, с которой отпустили пораньше, – машинально ляпнула я, думая об университете. И лишь потом исправилась: – В случае кузины – та, которая началась со шпионажа.

Брат закашлялся и, похлопав себя по груди, сдавленно произнес:

– Тай, первый вариант был лучше. Кстати, утром, когда ты меня тащила по лестнице. Что это было: заклинание или эликсир?

– Амул... – ответить до конца я не успела. Раздался оглушительный звон.

Юные наследники рода Норвуд, еще не обремененные мыслительным процессом о тайнах бытия и высоких материях, больше всего напоминали небольшое стихийное бедствие, которое было невозможно усмирить. Хотя... как-то мне удалось их локализовать. Но Нары, узнав, что я, сидя с племянниками, загнала их в круговую ловушку для лича, отчего-то жутко разозлилась. Хотя это был единственный случай, когда юные Норвуды почти ничего не разбили. Не считая межкомнатной перегородки, угла камина и двух окон. А так да. Все осталось целым.

– Как думаешь, сколько отец продержится? – когда в ушах перестало звенеть, спросила я.

– В роли милого дедушки? – уточнил Генри.

– Просто дома, – я улыбнулась кузине и Вару.

– Думаю, час, – хмыкнул Генри.

– Ставлю, что не более получаса.

– По рукам, – братец протянул ладонь. – Проигравший неделю моет посуду.

Моя рука на миг зависла над его ладонью. Я успела подумать, что не будет этой недели, но потом ударила. Братец не должен ни о чем догадаться.

Чаепитие прошло на удивление мирно: дети крушили верхний этаж. Гоняли нашего фамильного призрака Йонока и так же шустро удирали от кота Беннедикта, возомнившего себя не иначе как свирепым тигром.

Дядя Матеуш вышел к нам, зевая. Дедушку Морриса внуки нашли сами. Хотя он самоотверженно и отчаянно старался «не найтись». Вспомнила, как однажды кузина привезла тройню к нам на пару дней погостить. По прошествии выходных, едва открылась дверь и Нари с Варлоком шагнули за порог, раздался крик: «Ура! Мама с папой приехали!» Это ликовал, бежал навстречу, роняя тапки и опережая внуков, дедушка Моррис.

В три часа, когда Варлок ободрал с деда, как репы с беспризорного пса, внуков, Норвуды отчалили. И мы смогли выдохнуть.

А затем я заспешила в университет. И едва вошла в аудиторию, как удостоилась двух десятков внимательных взглядов. И поняла, что чувствует умертвие на практике. Тут же захотелось задрать подол повыше, чтобы не мешал бежать, и дать деру.

Глава 3

– Тай, нам сказали, ты едва ли не при смерти!

– Магистр был бледным, будто его Костлявая прогуляться к алтарю позвала.

– А куда ты вчера исчезла?

– Подруга, ну ты вчера всех и напугала! – Клаус, угрем проскользнув меж сокурсников, оказался рядом, и положил свою лапу мне на талию, приобняв.

И вот странность: вроде и тон был шуточный, и манеры разгильдяйскими, но я почувствовала, как напряглась на миг его рука, и поняла – за этой беспечностью скрывается тревога.

И улыбнулась как можно шире. Понимая, почему самые страшные вещи часто не только говорят спокойным тоном, но и маскируются тонной лжи.

– А знаете, как я сама напугалась! Особенно когда подумала, что мое тело уже успели сожрать!

От дальнейшей лжи меня спас звонок. Вместе с ним, ворвавшимся в аудиторию, пришел и магистр Рухус. Преподаватель молодой, но из серии «каждая пипетка мечтает стать клизмой». Он часто настолько раздувался от чувства собственной значимости, что мы всей группой с замиранием ждали: а не разорвет ли его вовсе. Увы, вчерашний кучерявый аспирант, а ныне магистр лопаться не желал. Этот протеже декана (и по совместительству – его сын) с миной профессионального дегустатора лимонов дошел до своей кафедры.

– Садитесь, адепты, – с чувством превосходства в голосе бросил он. Его взгляд заскользил по партам и остановился на мне.

Губы Рухуса скривились. Хотя казалось: куда больше-то? И он, так, словно каждое произнесенное им слово стоило форинт из его же кошелька, процедил:

– А... адептка Росс... – Он сложил руки перед собой. – Вас можно поздравить с огромной удачей.

По аудитории пролетела волна шепотков и переглядываний ничего не понимающих сокурсников. Преподаватель же, как дешевый актер гастролирующей труппы, дождавшись, когда любопытство студюзовцов дойдет до той черты, что какой-нибудь смельчак будет готов спросить в полный голос, собственно, в чем дело, веско добавил:

– Не знаю, чем вы так талантливы, – глумливо протянул он, – что ректор университета издал приказ направить именно вас на стажировку в усыпальницы стригоев. Хотя были и более достойные кандидатуры, чем третьекурсница с сомнительными достижениями в учебе.

Он все-таки не смог удержать отстраненный тон и скатился в обиду за свой непризнанный гений. Стало понятно: Рухусу еще далеко до чайника. Ну не умеет он пока жить, как эта посуда, чтобы внутри кипеть от злости, а на других не брызгать.

Знал бы этот недогений, чем был оплачен «счастливый билет к стригоям»... Интересно, согласился бы он его у меня перекупить? Что-то сильно сомневаюсь, что да.

– Ух ты! – прошипел мне на ухо Клаус, ничуть не заботясь о том, что его бас слышен в радиусе нескольких парт окрест. – Ты отобрала конфетку у самого сыночка декана... Даже не знаю, порадоваться за тебя или посочувствовать.

– Лучше поддержи парой форинтов, – ехидно, исключительно в пику Клаусу выпалила я, опровергая еще один постулат: де покойникам деньги вообще не нужны.

Еще как нужны! Взять те же похороны... Приличные поминки – джоже разорительное мероприятие, на котором задарма плакальщицы даже причитать по тебе не будут. А стоимость дубового гроба?

Я как прикинула, во сколько обходится такая прощальная вечеринка, – так сразу и поняла, в чем секрет живучести некоторых личностей. Ну, тех, которые продолжают здравствовать порою даже не благодаря, а вопреки стараниям лекарей. Просто у этих людей жаба не

только квакает от жадности, но и знает приемы ближнего боя. И не стесняется их применять в рукопашной со Смертью.

Усмехнулась своим мыслям, порадовалась, что в моем случае семье не грозят лишние траты. А вот мне пара форинтов не помешает. Хотя бы чтобы вызвать наемный магомобиль и красиво отчалить из дома с чемоданом. Чтобы, не дай небо, кто-то из домашних не решил провожать до пристани с дирижаблями.

– Тай, ты же у меня недавно уже занимала, – возмутился сосед по парте. – И вообще, у меня создалось впечатление, что стоит дать кому-то хоть гнутую медьку взаймы, и тебя тотчас же начинают считать статьей дохода, при планировании даже не месячного, а годового личного бюджета.

– Так я не просто так. Я тебе свои лекции отдам по теории темной материи, – начала я, памятуя, что именно мои записи ценились в группе. Особенно перед экзаменами, когда их копировала чуть ли не половина сокурсников. А все потому, что я успевала записывать полно и разборчиво, что, как оказалось, для некромантов и лекарей едва ли не приравнивается к сверхспособностям. Видя, как заколебался Клаус, добавила: – И стехиометрические расчеты матрицы вызова лича.

К слову, над последней я билась целую неделю и расчетов в другой ситуации было бы откровенно жаль. М-да, никогда не думала, что придется торговать гранитом науки на развес.

Миг – и рядом со мной на скамью легли две монеты. И так же быстро в сумку Клауса перекочевали два свитка. При этом мы с соседом внимательнейшим образом смотрели на Рохуса, старательно отыгрывая внимание. Ну прямо два прилежных адепта, которых ну просто не в чем, совершенно не в чем упрекнуть.

От этого Рухус ярился еще сильнее. От его злости больше всего страдали первые парты. Вместе с флюидами до этих адептов долетали и брызги слюны, когда вчерашний аспирант фонтанировал по теме сегодняшней лекции.

Причем диктовал он быстро, формулы записывал весьма экспрессивно и коряво. А времени, чтобы все это перенести нам на бумагу, практически не оставлял. Под конец занятия я, наверное, оказалось единственной, у кого не отваливалась рука. Все же есть у посмертия плюсы.

Аккуратно закрыла колпачок самописного пера, машинально отметив, что надо бы его снова заправить чернилами и зачаровать, а то литеры под конец лекции стали совсем светлыми. У меня даже в сумке вроде бы чернильный пузырек был...

Звонок возвестил об окончании занятия. Я стала собирать вещи, думая, как бы поскорее улизнуть не только из аудитории, но и от вопросов одногруппников, как в дверь заглянул наш куратор – магистр Мунк – мужчина уже не молодой, зато обстоятельный.

– Магистр Рухус, с вашего позволения, пока перерыв, у меня несколько объявлений для группы.

Сынок декана, может, и хотел бы возразить, но против бывшего боевого мага, доблесть которого отметил сам император (пусть и только медалькой, зато лично нацепленной монаршей рукой на грудь), выступить не посмел.

Хотя я на месте Рухуса и без учета боевых наград нашему куратору возражать не стала. Мунк в совершенстве владел как искусством вовремя отступить, так и нанести точный молниеносный удар. И статья, если второй навык он приобрел в битвах, то первый – на семейной службе. Еще бы ему не быть асом дипломатии: попробуй выжить среди целого взвода принцесс! А наш куратор был счастливым отцом целых девяти дочек.

Меня, кстати, всегда интересовал вопрос: он стал седым до или после свадьбы?

Меж тем Мунк, опираясь на костыль, похромал к доске. Перекинул трубку, которой дымил, из одного угла рта в другой и осмотрел нас внимательным взглядом.

– Вчера, адепты, у вас был внеочередной практикум с магистром Гыргырницким, И занятие, как мне доложили, не обошлось без происшествий.

Рухус, уже было собравшийся величественно удалиться, так и замер. Даже листочки со своей драгоценной лекцией, от которых не отрывался на протяжении всего занятия, обратно на кафедру положил. Видимо, не все сыночку декана было известно, как он ни пыжился показать обратное.

– Тайрин Росс лекари уже осмотрели, а остальных после занятий ждут в целительском крыле. Каждого из вас проверит целитель и даст заключение...

– А что, если со мной все в порядке? – подал голос с задней парты громила Зорге. Как по мне, этому адепту никакой дар некроманта был не нужен – с его-то пудовыми кулаками. Он и без заклятий любого зомби упокоит. Ну, и не только зомби.

– Особенно, – с нажимом произнес Мунк, – если с вами все в порядке. – Не пройдете осмотр – не получите стипендию, – тут взор преподавателя остановился на Лариссии – студентке весьма обеспеченной, которая плевать хотела на какие-то десять форинтов. Она сидела и полировала ногти. – И допуска к сдаче экзаменов тоже.

Адептка, будто поняв, что обращаются к ней, – тут же сделала вид, что она – совсем даже ни при чем, быстро спрятала пилочку и изобразила повышенное внимание.

Я же про себя усмехнулась. Вот что значит приказ ворона «допросить каждого». Наверняка целитель окажется только ширмой. Однотруппники и сами не поймут, что побывали на допросе, а не на осмотре. Пока же адепты бурно обсуждали, что важнее: планы на вечер или все же стипендия. То, что происходило вокруг, еще раз подтверждало, что у громкой шумихи есть тихие дирижеры.

– А теперь следующий вопрос: Клаус, зачем ты сломал чары заморозки в музее нежителеведения? Ледяная скульптура кэльпи растаяла. Кони превратились в воду, утекли в слив – и сейчас по сточным трубам носятся дикие речные течения!

Словно вторя словам куратора, над головой что-то прогудело. Выразительно так, намекая, что трубы хоть и прочные, зачарованные заклинаниями, но все же не ипподром. А потому их может и прорвать.

Клаус, который на днях бился об заклад (и немножко – лбами) с одним из водников, сглотнул.

– Я случайно, – на чистом глазу произнес сосед.

– Случайно – это плохо спланированное специально, – припечатал Мунк и добавил: – Три дня отработки в оранжерее! И выловить кэльпи из труб!

– Но я же не маг воды, – растерялся Клаус. Отбиваться от мандрагор и хищных условно разумных циклиний навозными вилами ему явно не хотелось.

– Значит, самое время если таким не стать, то завести с такими дружбу, укрепить межфакультетские связи... Я ведь понимаю: подбитый глаз у водника, конечно, уменьшил вашему противнику обзор, но зато увеличил ему жизненный опыт.

После этих слов я почувствовала, что оный водник нынешним вечером станет еще опытнее. В том, как аккуратнее стучать на товарища, – так точно.

А пока Клаус смирялся с судьбой, куратор перешел к моей скромной персоне:

– Тайрин, зайди сейчас в ректорат. Если опоздаешь на следующее занятие, скажи, что я разрешил, – добавил Мунк и объявил: – У меня всё!

Надо ли говорить, что я сорвалась с места, едва куратор нас отпустил. Торопливо вышла из аудитории и пропустила по коридорам. А вот в приемной задержалась.

Грымза-секретарша (и вовсе не по характеру, а по расовой принадлежности) предупредила, что ректор пока занят. В этом я и сама смогла убедиться, узнав голос магистра Гыргырницкого.

– А я говорю, вы подпишете мое заявление об увольнении!

– И не подумаю, – рявкнул ректорский бас в ответ. – И на каком таком основании?

– У меня профессиональное выгорание! – запальчиво ответил старый некромант.

– Ты феникс, тебе не привыкать, – парировал ректор.

– Ну все! – похоже, Гыргырницкий был на взводе.

Мы с секретаршей понимающе переглянулись и сделали вид, что ни капли не подслушиваем. Просто молчание – оно умиротворяет и вообще полезно.

– Мое терпение лопнуло! – рявкнул преподаватель. Последовал звук похожий на тот, какой бывает, когда кулаком ударяют по столу.

– Ну да! Тогда почему если у вас лопнуло именно терпение, то меня забрызгало злостью? – осадил его ректор. – Забирайте это ваше заявление, и чтобы я его больше не видел. У вас может и выгорание, а мне прикажете кем дыру в преподавательском штате затыкать посреди учебного года?

– Я не могу так. Это из-за меня... Я вчера не доглядел за ней... – гораздо тише произнес Гыргырницкий.

А что ему ответил декан – мы и вовсе не узнали. Жаль. Когда за дверьми кричали, было куда интереснее. И точно – информативнее.

Спустя пять минут дверь кабинета распахнулась, и преподаватель некромантии, увидев меня, выглядевшую живой и здоровой, остолбенел.

Я улыбнулась ему как можно шире. Но некромант уже взял себя в руки, подошел ко мне и... приложил указательный палец к жилке под шеей. А потом обронил:

– Я уже было понадеялся, что ошибся, – вздохнул и, отнимая руку, добавил, озадачив меня: – Тайрин, вы сильная духом.

Тряхнув седой головой, Гыргырницкий, не попрощавшись, решительно вышел из приемной.

Я же отправилась в кабинет. Там передо мной положили приказ о стажировке и повелели получить в бухгалтерии командировочные.

Так, с легким сердцем и тяжелым кошельком, я и покинула университет, не став оставаться на следующее занятие. А то только вернись – потом не будешь знать, какой ложью правду прикрыть: одноклассники хуже клещей и пиявок вцепятся с расспросами.

За размышлениями я не заметила, как дошла до перекрестка, и только хотела ступить на мостовую, как раздался истеричный клаксон. Отпрыгнула за бордюр – и ровно в этот миг передо мной пронесся магомобиль. А за ним еще один, и еще. Нет, не спорю, я, конечно, была мертвая и все такое. И попасть под колеса мне не так уже страшно. Но все же...

Мелькнула даже соблазнительная мысль об инсценировке несчастного случая. Но потом я вспомнила о тратах на похороны и слезах родных... Нет, стажировка все же и дешевле, и не сделает столько нервов домашним.

Магомобили вечерним потоком неслись по улицам, мигая фарами. И ведь ни один так и не удосужился меня пропустить. Ну, я девушка находчивая. Всегда найду неприятности. Но тут, не иначе для разнообразия, обнаружила булыжник. Каменюка лежала в нескольких футах от бордюра. Ну я ее и подняла. Широко улыбнулась. А потом – пошла.

И вот странность: пропустили все! Даже жандармы, которые догоняли преступника. И сам преступник. Вывод: нужно всего лишь улыбнуться миру, и люди сразу станут вежливыми. Именно эту мысль я и озвучила бедолаге, который стоял с другой стороны улицы, точно так же, как и я, не имея возможности перейти дорогу.

Поспешила домой, где под причитания призрачного Йоко, урчание рыжего Бенедикта, который весь день косил на меня своими янтарными глазами и недовольно дергал хвостом, удивленные взгляды отца и опечаленные – братьев, поведала им подробности о стажировке.

Выволокла свой желтый чемодан. Он был большим. Не так. Он был БОЛЬШИМ. Едва ли не с половину меня. Досталось мне это бешено-лимонное безобразие пару лет назад в неравном

торгу на базаре, когда я готовилась к полету в земли альвов, а точнее – к одному альву и его жене – и по совместительству моей кухне – в гости.

Чемодан, пока я спускала его по лестнице, оббивал дно о ступеньки. Сложила я в него вещей всего ничего, но дабы вес был внушительным, припрятала туда чугунную сковородку и утюг. Последним все равно никто не пользовался.

Увы, магия умертвиям не доступна. Так что топить мой багаж в Кейше будут не заклинания, а похищенная из дома утварь.

Следом пришла мысль: раз сейчас я не могу сотворить и ерундовых чар, может быть, мой дар уходит в физическую силу? Вот бы изучить это... Как раз тема для курсовой. Подумала – и тут же себя одернула: мне осталось всего ничего, а я размышляю об экспериментах.

Меж тем солнце начало клониться к закату.

Я попрощалась с семьей. Чейз закинул чемодан в багажник вызванного магомобилия и, улыбнувшись, всучил мне кулек пирожков в дорогу. Когда мы отъехали пару кварталов, я попросила водителя остановиться. Сказала, что загляну еще к подруге, и отпустила машину.

На самом деле знакомая у меня была, но к ней я, понятное дело, не зашла. А направилась к старинному кладбищу неподалеку. Вообще, в столице погостов было несколько. На одних покоились только досточтимые и уважаемые горожане. На других предавали земле простых обывателей. А на окраине имелся и такой, где могли попрактиковаться студенты-некроманты. На последнем меня найдут, если что, быстрее всего. Поэтому я решила под конец смерти обнаглеть и шикануть – улечься в усыпальницу одного симпатичного склепа, который был у меня на примете. Но сначала – утопить чемодан.

Путь к реке шел как раз мимо ворот кладбища. И у них меня поджидал неприятный сюрприз: печать на входе погоста. Да не простая, а магическая. Так что и не войдешь. Вот ведь гадство! Даже умереть просто нельзя. Только преодолев невзгоды, трудности и кованый забор. На последнем, к слову, я и застряла, зацепившись подолом за острый шип.

Ткань платья оказалась не просто прочной, а прямо-таки подлю прочной и рваться дальше не желала. И я очутилась в подвешенном положении.

А всего-то и хотела убедиться, что тот симпатичный склепик никто не опечтал. Потом сходить, утопить чемодан и устроиться в гробнице. Но увы. Пока что я лицезрела только перекошенное лицо бдительного и слегка проспиртованного сторожа.

– А-а-а... еще одна эта... по-кло-нительница! – с запинкой выдал мужик гренадерского размера, возникший перед моим взором с метлой наперевес. При виде того, как он постукивал череном о свою ладонь, мне стало ясно: этот человек дюже целеустремленный, буквально сметающий все на своем пути. – Когда же вы закончитесь то!

– А я и не начиналась! – болтая ногами в воздухе и разведя руки в стороны с самым независимым видом, будто каждый день практикую заборно-медетативные практики, ответила я. Чемодан, переброшенный через ограду чуть раньше, напоминал кленовый лист-переросток, валяясь на земле.

– Ага, не начиналась! Этот пи-и-вец уже неделю как помер, а вы к нему все таскаетесь. Восемь раз памятник оттирал от вас, паразиток! И ладно бы помадой малевали! – в сердцах сплюнул сторож. – Вы же его, заразы, краской мажете! И сердечки рисуете.

Хотелось заверить, что я не чья-то фанатка, а скромный некромант. И рисую не сердечки, а руны призыва. Но думаю, что это признание подействует на стража, как солнце на стригоя: он загорится. Правда, от гнева.

Впрочем, сторожу не нужно было никаких дополнительных пояснений. Он для себя уже все решил и замахнулся, чтобы как следует огреть меня метелкой. Но не успел. Ткань затрещала, я упала на землю, и прутья веника просвистели над моей головой. Я же, инстинктивно крутанувшись, оказалась на спине и рукой схватила за черен, когда веник из прутьев, насаженный на палку, просвистел надо мной повторно.

В любой другой бы ситуации после этого финта я бы болталась на метелке, как моська, сдуру вцепившаяся в черен. Но не сегодня.

Я резко дернула метлу на себя. Подвыпивший сторож потянул ее к себе.

– Отдай, ведьма! – рыкнул этот кладбищенский охранник, косматый и бородатый насколько, что птицы могли легко принять его шевелюру за уютное гнездо.

– Я не ведьма! У меня еще диплома мага нет!

По тому, как в ответ лохматый удвоил усилия, я поняла: все-таки у меня уникальный талант. Как бы плохо ни было, я умудрялась сделать еще хуже. Видимо, моих коллег он не любил еще больше, чем просто эйр с противным характером.

Тем временем мной попробовали смести осеннюю листву. Я не далась. Зато вспахала сапогами охранника землю. Ну как вспахала? Просто двинула череном влево. Мужик, казалось, уже слившийся с ним и уперший каблуки сапог в грунт, сработал на манер плуга. Прочерченная в опавшей листве дуга красноречиво свидетельствовала, что при должном усердии можно пахать не только на ком угодно, но и кем угодно. Правда, недолго. «Соха» нашла на камень. Хотя, с учетом того, что «камешек» был надгробный, «сломаться» о такой было и не зазорно. Вот сторож и «сломался».

Упав на бок и застонав, он выпустил наконец-таки черен.

– Демон! – охнул доблестный охранник погоста.

– Я же недавно ведьмой была, а до этого чьей-то поклонницей?! – удивленно воскликнула я, перехватывая метлу и поднимаясь с земли. Встав и отряхнув рванный подол, добавила требовательно: – Мужик, ты уж с моей классификацией определись!

– Я щас тебе так определюсь, поперек хребта! – пообещал сторож, отплеывая прилипший к губе красный осиновый лист и засучивая рукава. Он поднимался, как медведь после спячки: грузно и шатаясь. Но зато абсолютно бесстрашный. Я даже зауважала. Простой мужик, без магии, а не боится умертвия в моем лице.

Хотя, может, просто не признал во мне воскресший труп? Я же вела себя неправильно: вместо того, чтобы дать деру с кладбища, наоборот всеми силами на него стремилась...

Впрочем, спустя пять минут, три покосившихся надгробия, выданный чугунный штырь из забора и одну заваленную молодую осину (последние два, честно, – не я!) мы со сторожем подошли к этапу переговоров.

Мужик, согнувшись и уперев руки в полусогнутые колени, хрипел, как загнанная лошадь. Наконец он сделал глубокий вдох, поднял голову, и его грязный перст с обгрызленным ногтем указал в глубь кладбища со словами:

– Могила пи-и-вца там! – А вот чего я не ожидала, так это прозвучавшего дальше официального разрешения на надругательство: – Можешь глумиться.

После этого даже как-то неудобно стало уточнять, что я вообще-то пришла совсем в другой склеп – и не целовать оный, а вздремнуть. Да и не даст теперь мне этот блюститель покоя тихо-мирно залечь: наверняка из-за кустов следить будет.

– Спасибо, мне расхотелось, – Я даже шаркнула ножкой по шуршавшей листве.

– Расхотелось? – сторож нервно дернул заплывающим глазом. – Нет уж! Пришла, так давай. Заслужила. Уважаю... Видать, сильно ты, девка, его любила...

Чуть было не ляпнула: «Кого именно?», но... предпочла дать задний ход и тихонечко улизнуть в дыру, проделанную в заборе стражем собственноручно. Как я при этом левой ногой, не оборачиваясь, подпिनывала свой чемодан к выходу – отдельная история.

– Куда?! – запоздало понеслось мне вслед возмущенно-разочарованное, когда я вывалилась в дыру в заборе. – А надругаться?

Я же задала стрекача, категорически не желая глумиться и лобзать памятник неизвестного мне «пи-и-вца». Лишь когда между мной и погостом оказалась пара кварталов, остановилась. Кейша со своими свинцовыми неспешными водами осталась далеко позади. Вокруг сгу-

щались сумерки. Я же чувствовала, что полна сил да и вроде бы пока не готова окончательно умирать. Сколько я так еще по улицам буду шататься? А вдруг увидит кто из знакомых? Да в таком виде?

Я брела по мостовой, впереди замаячил шпиль императорского дворца. Мысли с Владыки и его резиденции быстро свернули к ненаследному великому князю. Наверняка ведь у ворона найдется лишний анатомический стол в покойницкой для полутрупа в моем лице.

Решено: попрошусь на постой в морг. Ободренная этой мыслью, я зашагала в направлении отдела карателей. Надеюсь, туда не придется пробиваться с таким же боем, как на погост?

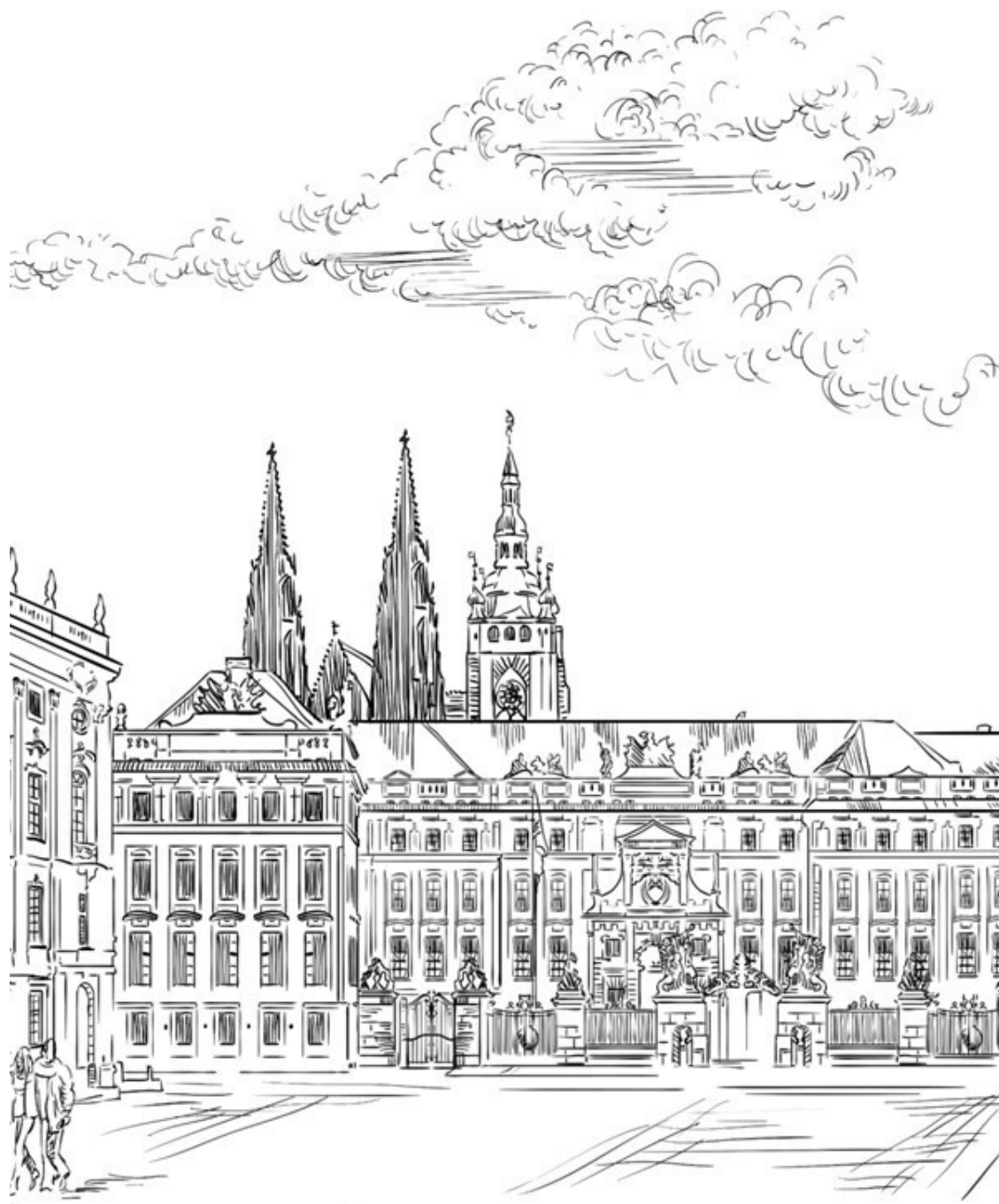
Вид изрядно потрепанной, бледной девицы с самыми решительными намерениями заставил постовых у ворот здания с самой противоречивой репутацией поднапрячься.

Парни в мундирах и так были начеку, но тут вовсе ошетинились: один – веером защитных и атакующих заклинаний, второй – леденяще-сдерживающим тоном, ну и силовым арканом заодно.

– Эйра, у вас есть пропуск? – спросил каратель, старательно подражая тону побеспокоенного лица.

Вместо ответа я сжала кулак и сунула ему под нос. На среднем пальце красовался перстень ворона с императорской монограммой.

Взгляд черномундирного из категории «заморожу» медленно, но верно становился сдержанно заинтересованным. Сомневаюсь, что каждый день в управление к его начальству приходят девицы со здоровущим чемоданом, будто собрались переезжать от одного любовника к другому.

Здание отдела карателей

– А еще у эйры есть нестерпимое желание увидеть господина Арнсгара, – добавила я тоном весьма далеким от кокетливого. Скорее так рычит дракон, требующий сатисфакции.

– Я передам ваше желание увидеть господина верховного карателя, – в лучших традициях светской беседы ответил страж.

– Передавайте, – повелела я, присаживаясь на чемодан и готовясь к томительному ожиданию.

Но такового не случилась. Не прошло и десяти минут, как я уже шагала по коридорам со своим желтым безобразием. Правда, перед этим был досмотр моего багажа и... вытянувшиеся

лица карателей. Видимо, они ожидали узреть платья-шляпки-чулочки. А обнаружили выдавшую виды чугунную сковородку, обмотанную порванными панталонами (чтобы не гремела) и старый утюг с пятнами ржавчины на днище, обернутый в подарочную (ну не было у меня под рукой ничего другого) бумагу, пледа, на котором моль устраивала традиционные выездные пикники, пару конспектов по некромантии и кулек с пирожками. Последний мне заботливо всучил Чейз, уже когда я садилась в магомобиль, выкинуть было некуда, и посему гостинец пришлось впихнуть в будущего «утопленника».

Не знаю, что произвело на досмотрщиков большее впечатление, но теперь на меня смотрели оценивающе. Вещи проверили на проклятья, яды. Пирожки проверили три раза, уменьшив кулек едва ли не вполовину. Видимо, бдели после случая с бутербродом. Пришлось отобрать еду у дегустаторов со словами:

– С вашей бдительностью у меня от взятки ничего не останется! – и ревниво уложить пирожки, завернутые в промасленную бумагу, рядом с утюгом.

Каратели, причастившиеся ко «взятке», предназначенной для ворона, повели себя в лучших традициях мздоимцев: сделали вид, что они тут совершенно ни при чем.

Когда же я оказалась в кабинете Арнсгара, то меня мстительно представили эйрой «с вашим именованным перстнем, которая жаждала аудиенции».

Козырнув «разрешите идти?» и получив дозволение, мой провожатый удалился. А Арнсгар поднял на меня усталый взгляд. Вот почему у меня сложилось впечатление, что со вчерашнего дня он не спал ни минуты?

– Привет, – я почувствовала себя крайне по-идиотски. – А я вот к тебе со взятк... в смысле, с пирожками. Будешь?

– Отравленные? – усмехнувшись, уточнил ворон.

– Хуже. Понадкусанные. Охранники на входе оказались очень бдительными. – И тут же без перехода добавила: – Пусты меня в трупницкую. Я там полежу, пока не... – «сдохну» сказать не успела. Ворон меня перебил:

– Идти некуда? – понимающе спросил он.

– Угу.

– Ладно, давай свои пирожки. Сейчас что-нибудь придумаю.

Пирожки Чейза были ликвидированы за какие-то пару минут.

– Я не спрашиваю про «спал», но, Арнсгар, ты хотя бы ел сегодня? – вырвалось у меня помимо воли, когда я наблюдала, как стремительно исчезает еда.

– Ар, зови меня Ар, – выдохнул ворон и, как мне показалось, неожиданно сам для себя признался: – Ренегаты раскрыли наших внедренных агентов. Работа, которая велась не один год, оборону под хвост.

Видимо, увидев удивление в моих глазах, он пояснил:

– Тай, ты, наверное, единственная, кому я могу рассказать об этом. Как и о том, почему тебя убили.

«Потому что ты скоро умрешь и унесешь эту тайну в могилу», – так и не прозвучало, но несложно было догадаться.

– А вдруг я успею кому-то рассказать до того, как обращусь в прах? – вопрос, который жалил язык, слетел раньше, чем я успела его поймать.

– Не думаю. Пока я провожал тебя до дома, агенты уже успели собрать всю информацию об эйре Тайрин Росс, – он кивнул на одну из папок, что лежала на краю его стола. – В связях с ренегатами ты не состоишь. Разве что в тринадцать лет была замечена в паре митингов суффражисток. А сегодня, когда ты пришла сюда, я окончательно убедился: что тебе можно рассказать, что произошло прошлой ночью на кладбище.

– Оказалась достойна доверия? – я прищурилась, медленно начиная злиться.

– Скорее просто заслужила, – Ар встал плавным движением из-за стола. – Как и то, чтобы провести последнюю ночь не на анатомическом столе среди трупов. И не отказывайся. Прошу. Пойдем, у меня недалеко, в квартале отсюда, дом. Там есть неплохая гостевая комната. Заодно расскажу тебе о грандиозном провале своего отдела и посплю пару часов. Ты права, я уже трое суток на ногах. Скоро закончится действие бодрящих эликсиров.

«Пойдем» в исполнении ворона началось с того, что он нацепил на шею маскирующий амулет. Морок сделал его фунтов на сорок старше. Голова стала напрочь седой, тело – более грузным.

– Чтобы журналисты из новостных листков не докучали, – пояснил на мой недоуменный взгляд каратель.

Только если он стал неузнаваем, то я со своим чемоданом бешено-лимонного цвета, скажем так, была слегка приметной. Но, кажется, ворона это не смущало. Он ничтоже сумняшеся поднял мои пожитки, слегка удивился их весу, а потом я увидела, как желтый превращается в коричневый, а габариты клади стремительно уменьшаются.

Так мы в ночи и вышли из ворот. У забора и вправду отирались несколько подозрительных личностей: то ли газетчики, то ли преступники, то ли шпионы. Я к ним не подходила знакомиться, так что точно сказать не могу. Ворон, впрочем, зыкнул на них крайне неодобрительно и нахмурился.

А затем остановился перед одним из припаркованных пустых магомобилей и открыл передо мной дверцу. Я лишь хмыкнула:

– А как же «один квартал» и «пройтись»?

– Погода не располагает...

Я демонстративно посмотрела на чистое небо, но все равно оказалась на переднем сиденье машины, а мой чемодан – сзади, вновь став большим и ярким, едва ворон его отпустил.

Сам Ар сел на водительское место, приложил ладонь на пластину рядом с рулем, посылая магический импульс. Вообще-то у не магов были для этого амулеты, но чародеям так проще и быстрее.

Элементаль под капотом заурчал, чихнул, и машина тронулась.

– Так что произошло? – спросила я, не став ходить вокруг да около.

– Шпион ренегатов сумел выкрасть полный список наших внедренных агентов. За эти сутки в рядах заговорщиков прошли массовые зачистки. Семь наших разведчиков убиты. Кто-то сумел бежать, но мы потеряли всю сеть.

– Но... как такое возможно? У вас же организация, как ее... высшей степени секретности, опасности, и вообще.

– Подозреваю, что ренегаты использовали то заклинание, которое им удалось украсть.

– То самое, из-за которого меня убили? – я резко обернулась к ворону и натолкнулась на его чеканный невозмутимый профиль.

– Да, – сухо бросил он, останавливаясь у двухэтажного дома и снимая маскирующий амулет.

Палисадник перед ним был не чета нашему. И окна – широкие. И по высоте – я могла бы встать на подоконник такого и еще и руки вытянуть, чтоб достать до перекрытия.

В общем, не дом, а место для дракона или любовника – и тому и другому достаточно распахнуть створки и вылететь. А в небо или в кусты – не суть важно.

Улица была пустой и тихой. Впрочем, дом тоже. Мы переступили порог, и я уже хотела что-то сказать, но вместо того, чтобы включить газовые рожки или зажечь светляк в темнующей прихожей, как поступил бы всякий приличный хозяин, Ар вдруг прижал к моим губам палец, призывая к молчанию. А затем бесшумным кошачьим шагом двинулся вглубь дома. Я, разумеется, за ним.

И в распахнувшейся двери спальни мы увидели мага. Тот самый рыжий веснушчатый каратель с погоста сейчас лежал на здоровенной постели голым, с начерченной на груди пентаграммой. Он был прикован руками и ногами к изголовью и изножью кровати.

Над рыжим на стене было выведено послание: «Семья императора умоется своей кровью». Но самое гадство заключалось в том, что в углу спальни пульсировал красный шар, напоминавший сердце. Светящееся отравленное сердце.

Я лишь слышала о разрывных отсроченных проклятиях, но увидела впервые. Когда оно станет нестерпимо-лиловым, то, разорвавшись, разнесет весь дом. Судя по его цвету – это произойдет через пару минут.

– Бежим! – крикнул Ар, мгновенно все взвесив и поняв, что парня не спасти.

Ворон сгреб меня в охапку, разворачивая к выходу.

– А он? – я мотнула головой.

– Плетения не разорвать просто так. А любой магический всплеск может спровоцировать мгновенную детонацию.

Я глянула в окно. На магомобиль. И просила:

– А удерживающий аркан? Если его использовать вместо веревки. Это же стационарное заклинание, оно практически не потревожит магический фон.

Скажи я такое Генри или Чейзу, братья бы меня еще полчаса расспрашивали, что я имела в виду. Но ворон понял без пояснений. Лишь скомандовал:

– Завяжи за изголовье. Ножки подломятся.

Спустя двадцать секунд я в открытое окно поймала аркан, второй конец которого был закреплен за магомобиль. Подбежала к кровати, намереваясь закрепить аркан, увидела, как внутри «сердца» зарождается нестерпимо красная искра.

Время словно замедлилось. Взрыв показался мне распускающимся цветком хризантемы.

Доля мига.

Проклятье пронзают первые одиночные лучи. Я кричу что есть сил: «Гони!!!»

Доля мига.

«Сердце» разрывных чар становится нестерпимо-алым, обдавая всю спальню жаром, от которого враз вспыхивают шелковые обои на стене.

Я вскакиваю на постель, упираясь в одеяло ногами. И чувствую сильный рывок, едва не выдергивающий плечо из сустава.

Доля мига.

И первый сгусток энергии ударяет в стену, пробивая ее. Ложе вместе с нами едет к окну. Я натягиваю аркан на себя, пытаюсь задрать изножье кровати. Постель широкая. Но окно тоже. Мелькнувшее опасение «не пройдем!» в прямом смысле отбрасывается. Взрывной волной. Она-то и выносит часть стены. А еще – нас: меня, кровать и привязанного к ней ошалевшего рыжего карателя, который, судя по его воплям, десять раз пожалел, что не умер.

Время вновь скручивается, несется все быстрее. А мы просто летим по ночной улице. Подломившиеся ножки ложа остались где-то далеко позади. И сейчас, царапая дном, кровать высекала из мостовой искры.

Я стояла в полный рост, юбка задралась до неприличия. Поболталась на этом уровне и решила, что стоит подняться еще. И теперь рваный подол был у меня где-то на отметке «очень смелая мода», когда бедра едва прикрыты. Впрочем, мне было слегка не до того, чтобы одергивать одежду.

Я едва удерживала аркан. Все же сила умертвия была как нельзя кстати. Вот только два магомобилия, мчавшие за нами следом, как-то тактично намекали, что ночные гонки на кровати – это только начало.

Ар, видимо, тоже узрел погоню, потому как резко рванул вперед. А над моей головой просвистел пульсар. Я инстинктивно дернулась вбок, и раскаленный шар впечатался в заднее стекло. То брызнуло крошкой осколков.

Впереди маячила прямая, как стрела, улица, вонзавшаяся в набережную Кейши.

Я увидела ворона, который, закрепив руль заклиниванием, распахнул дверцу, и, свесившись с сиденья, запустил сразу из двух рук пульсарами.

Одним, судя по всполоху за мной, – попал. Знать бы еще – куда. В преследователей или просто попал.

– Рули давай! Врежемся! – видя, как неумолимо приближается парапёт набережной, завопила что есть сил. И плевать, что я как бы мертвая. Именно сейчас окончательно отправиться в небытие, на радость врагам, не хотелось.

– А если не оторвемся – нас зажарят, – парировал Ар, выпуская еще один пульсар.

– Тогда целься лучше, архов снайпер!

– Не говори под руку, зомби несчастное! – ответ совпал с еще одним взрывом.

Я все же обернулась и увидела, как один из магомобилей, подбитый, врезался бампером в мостовую и перевернулся на полном ходу. Из открывшегося капота вылетел сначала с криком «свободен!» элементаль, а за ним – и три души. Вот и закончилась для кого-то погоня. Остов машины залило пламя.

Зато второй магомобиль и не думал останавливаться, мчался на нас. Причем очень стремительно. Кажется, Ар понял, что еще немного – и нас с рыжиком если не пристрелят пульсаром, то банально раздавят: между кроватью и машиной была всего пара футов, когда ворон все же вернулся за баранку.

А дальше машина, не успевая вырулить по мостовой, пробороzdила кусты и совершила резкий поворот уже на пешеходной набережной, отчего наша «кровать на привязи» описала по газону дугу. Я же описала весь спектр эмоций от этого действия. Причем вслух и матом. Исключительно. И это под фееричный полет моего чемодана из заднего окна. Последний угодил аккурат на кровать меж расставленных ног привязанного к углам кровати парня.

– Драх! Смотри куда рулишь, а то приедешь, куда смотришь! – резюмировала я (почти цензурно!) результаты своего «доклада» по методам прополки кустов с помощью кроватей.

К слову, ныне на рыжей голове карателя благодаря протараненным кустам красовались развесистые рога из веток. Меж колен парня был зажат желтый монстр. Причем чемодан заклинило так качественно, что дальше он не полетел. Зато раскрылся. Именно в этот момент нас и нагнали преследователи, боднув капотом в изголовье. Резкий толчок вперед ослабил натяжение аркана.

Этим я и воспользовалась, когда нас боднули во второй раз: успела затянуть петлю аркана вокруг центрального столбика изголовья. Я освободила руки и проворчала себе под нос:

– Вот почему даже после смерти я должна орудовать сковородкой и утюгом? – с этими словами я достала из чемодана орудия женского домашнего рабства и...

Именно в этот момент преследователи обогнали нашу кровать на полкорпуса и боднули сбоку, прижимая к парапету. Из окон рядом с водителем и заднего высунулись с арбалетом и фаерболом наизготовку сразу две морды. Одной из них я пригладила встрепанные вихры. Утюгом. На мой взгляд, прическа получилась неплохой. Жаль, ее обладатель не смог оценить моих усилий. Отрубился. Наверняка – от счастья и своей неземной красоты. Правда, успел спустить болт. Тот пригвоздил подушку рядом с бедром привязанного парня.

Зато со вторым пришлось тяжело уже мне. Потому как для начала пришлось быстро овладеть навыком отбивания фаерболом сковородкой. Почувствовала себя игроком в крикет. Правда, не прими я подачу, получила бы не фингал мячом, а два обугленных трупа и останки кровати.

Огненный шар ушел свечкой вверх.

– Да чтоб ты сдохла! – в сердцах брякнул маг, которому только что загубили отличное заклинание.

– Мужик, я уже! – радостно сообщила я ошалевшему от такого заявления магу. А затем уже отработанным движением «раззудись рука, размахнись плечо и отбей еще» вмазала гаду по физиономии.

Но пока я расправлялась с атакующими, совсем забыла о водителе. А он, зараза, о нас – совсем даже нет. Видя, что его напарники уже не с ним, он, обогнав кровать, поравнялся с Аром, а затем, что есть дури, бортанул его.

Парапет, рассчитанный на добропорядочных горожан, прогуливающих по пешеходной зоне, а никак не на бешеные гонки на магомобилях, был невысок и ни разу не монументален.

Машина вместе с Аром перевернулась и полетела в реку. Ну и мы за ней. Правда, по частям: кровать с привязанным рыжиком – отдельно. Я – отдельно. Рога из веток – отдельно. Мои панталоны из открытого чемодана – тоже. Зато сам желтый так крепко вклинился меж коленей несчастного карателя, что даже и не расстыковался с парнем в процессе полета.

Магомобиль вместе с вороном, благодаря немалой скорости, плюхнулся в воду, совсем чуть-чуть не долетев до середины реки, и тут же пошел на дно. Кровать на манер поплавка и не думала тонуть. Хорошо еще, что она приводнилась карателем сверху. Могла ведь и днищем.

Я же очутилась уже традиционно по уши в неприятностях и для разнообразия – по горло в воде. Зато – все еще сжимая утюг и сковородку. Правда, с ними пришлось расстаться: как оказалось, когда твои руки заняты домашней утварью, тяжело не только строить карьеру, но и спасать собственную жизнь.

Меж тем машина ушла под воду по самую крышу и потянула за собой постель, на которой подал голос привязанный. Я нырнула, решая для себя, кого спасать первым: ворона или пытаться отвязать аркан. Но опытным путем выяснилось, что верховного карателя не только сжечь, но и утопить не так-то просто. Он не только уже выбрался из покореженной машины, но и сумел убрать аркан.

Огненная плеть, напоследок вспухнув искрой, истаяла в воде. А я же обнаружила, что хоть почти и не дышу, но и не рыба тоже – раз в минуту почти мертвому телу все же нужно было делать вдох. Вынырнули мы с вороном одновременно. И если моя макушка маячила посреди речной глади, то ворон умудрился практически слиться с краем кровати.

Зато прикованный парнишка, увидев меня, гребущую к нему, перестал голосить.

Но тут меня разглядел и водитель, вышедший из машины. Судя по тому, что в нас не летело ни проклятий, ни боевых плетений, он не был чародеем. Зато арбалет в его руке компенсировал этот маленький магический недостаток.

– Твою ж! – я нырнула, уходя на глубину. Арбалетный болт прорезал мутную толщу рядом со мной. Потом еще один, и еще. А после четвертого все прекратилось.

Тут сильная рука схватила меня за талию и стала тащить наверх. Я же, поняв, что меня пытаются спасти, активно заработала ногами и... выплыла с вороном на поверхность. Заозиралась и увидела горящим тот самый магомобиль, что вытолкнул нас в реку.

– Не только он умеет стрелять, – прокомментировал Ар, и мы погребли к уже изрядно унесенному течением ложу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.